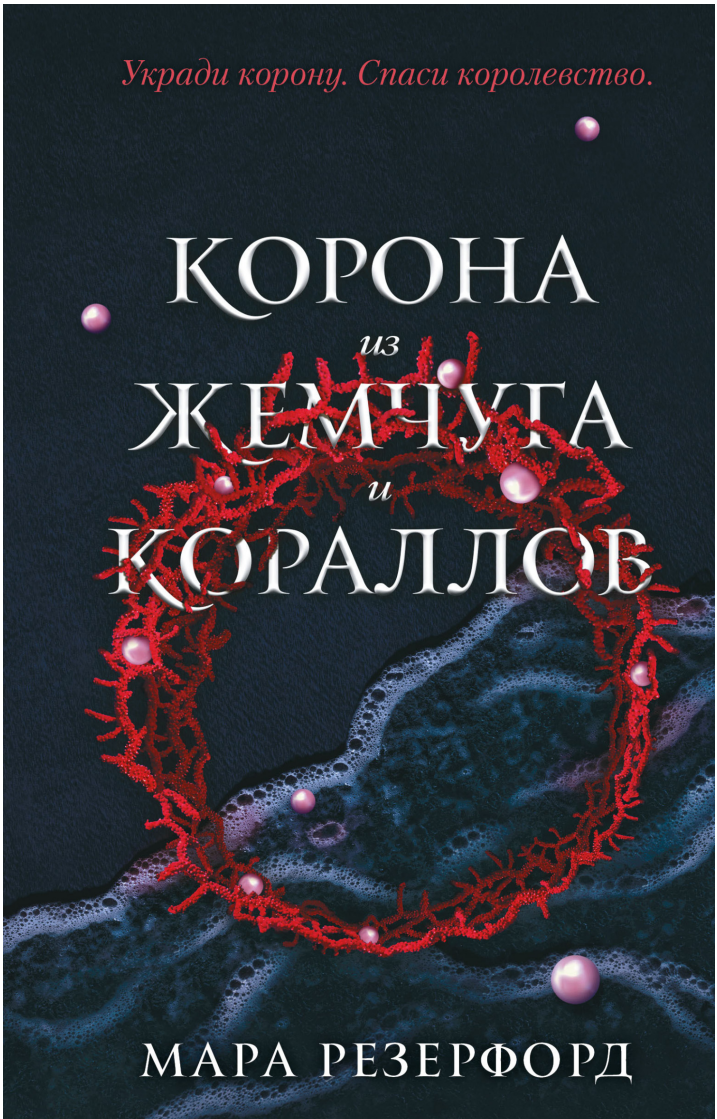
Укради корону. Спаси королевство.

КОРОНА из ЖЕМЧУГА и КОРАЛЛОВ



МАРА РЕЗЕРФОРД

Мара Резерфорд

Корона из жемчуга и кораллов

Серия «Королевство моря и магии», книга 1

Серия «Корона из жемчуга и кораллов», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67302395
Мара Резерфорд Корона из жемчуга и кораллов:
ISBN 978-5-04-166810-5

Аннотация

На протяжении многих поколений наследные принцы Иларии женились на самых красивых девушках из деревушки у моря. Всю жизнь Зейди готовили к тому, что однажды она станет частью королевской семьи. Но девушка не хотела уезжать и расставаться со своим возлюбленным. И тогда она придумала план: прикоснуться к медузе и нанести себе жуткие шрамы…

У родителей Зейди не осталось выбора, кроме как отправить в Иларию ее сестру, Нору. Девушка прибыла в королевство и вскоре узнала, что ее будущий муж – холодный и одержимый тиран, а стены замка скрывают жестокое убийство.

Принц задумал коварный план, угрожающий жителям деревни, а в королевстве назревает восстание. Норе предстоит придумать, как уцелеть самой, защитить близких и не раскрыть главный секрет кровавого коралла…

Содержание

1	7
2	25
3	41
4	64
5	82
6	99
7	119
8	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Мара Резерфорд
Корона из жемчуга и кораллов

CROWN OF CORAL AND PEARL
Copyright © 2019 by Mara Rutherford
Published by arrangement with the author and her literary agents,
Triada US Literary Agency (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
All rights reserved.

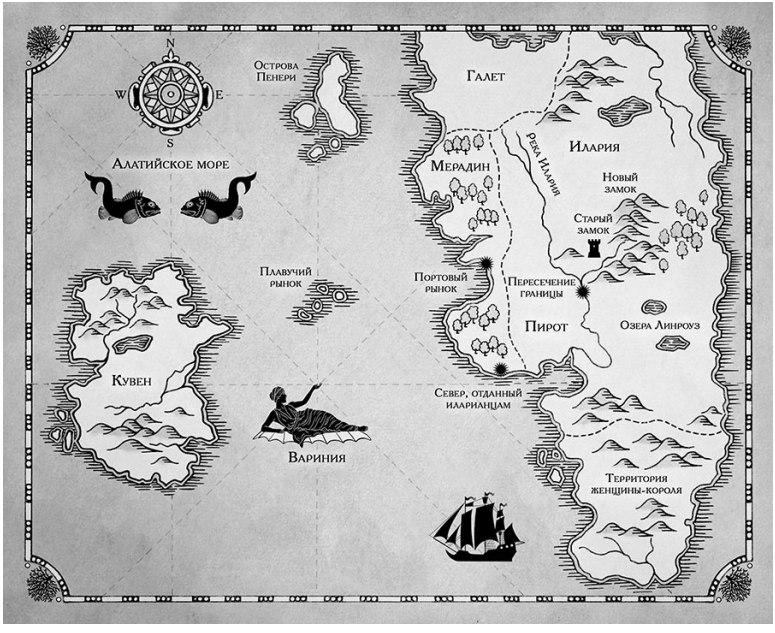
Серия «Young Adult. Королевство моря и магии»
Дизайн обложки М. Кияниченко
Иллюстрация в макете Даниила Селеверстова

© Самойлова А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Джону – за то, что подарил мне мир.
И Саре – за то, что всегда освещала мне путь

домой.


N
W
E
S
Острова Пенери
Галет
Аллтийское море
Мерадин
Река Илария
Илария
Новый замок
Старый замок
Плавучий рынок
Портовый рынок
Пересечение границы
Пирот
Озера Линроуз
Кувен
Север, отданный иллариадцам
Вариния
Территория женщины-короля

1

Иногда я задаюсь вопросом: имена ли предопределили наши судьбы или же наоборот? Нора и Зейди: коралл и жемчужина. И то и другое драгоценно для нашего народа, и то и другое достаточно хорошо, чтобы украшать шеи королев. Однако жемчужина ценится за свой блеск, свою форму, свою безупречность, а с кораллом дела обстоят иначе. Он растет, разветвляясь. В естественном виде его совсем нельзя назвать красивым.

И все же мы с Зейди родились равными по красоте, изяществу и сообразительности. Мы были, по мнению старейшин, милейшими среди всех малышей, когда-либо рожденных в Варинии. Мама гордо катала нас в семейной деревянной лодке, где мы с Зейди провели бóльшую часть своего детства. Она надевала на нас широкополые шляпы, чтобы избежать солнечных ожогов на нашей оливковой коже; она

заставляла отца шлифовать острые края нашей мебели; ни единый темный волосок с наших голов не был принесен в жертву ножницам. Каждый вечер она осматривала наши ссадины или царапины, а затем отчитывала нас, чтобы мы были осторожнее, пока втирала масла и целебные мази.

В конечном счете варинийки были одарены столь же богатым разнообразием волос, каким было разнообразие рыб в наших водах: от прямых до кудрявых, от цвета льна до цвета эбенового дерева. А наша кожа была гладкой и здоровой при любом оттенке от золотистого до цвета обожженной меди, красота в нашей деревне была возведена в культ. Черты лица девушки должны быть симметричными и с правильными пропорциями, кожа – сияющей, взгляд – лучистым, пытливым, но ни в коем случае не слишком прямым. Ее внешность всегда должна быть безупречной независимо от времени и места. Чтобы поистине выделиться на фоне остальных, девушка должна быть не иначе как совершенством. Ведь в Варинии быть красавицей являлось не просто удачей. Раз в поколение определялось, кто из нас станет принцессой.

– Нора! – завопила Зейди, оттаскивая меня от края лодки, где я балансировала на одной ноге. – О чем ты только думаешь? Нельзя допустить, чтобы ты сейчас поранилась.

Я почесала голову, которую саднило от того, что мама слишком туго заплела мне волосы в качестве наказания за то, что вчера я забыла свою шляпу. Она вечно переживала из-за того, что солнце сделает наши шелковистые воло-

сы ломкими или – не дай бог – проявит веснушки, но сейчас сердитое урчание моего пустого живота было достаточно громким, чтобы заглушить пронзительный голос мамы в моей голове. Мы часами выискивали устриц, но безрезультатно. Зейди, неизменно послушная дочь, оттолкнула мою руку.

– Пожалуйста, ради мамы, веди себя как полагается. Ты же знаешь, как она переживает насчет церемонии.

Церемония. А когда мама не волновалась об этом? Сколько безоблачных дней, проведенных в тени нашего бревенчатого домика на сваях, сколько упущенных возможностей понырять за жемчугом из-за того, что на море сильно бушевали волны… Этим я обязана церемонии и маминой одержимости.

– Наше королевство безгранично, – любил повторять отец, стоя на узком балконе, закрывая рукой глаза от солнца и охватывая взглядом горизонт. Возможно, для него это было правдой, но наша жизнь служила постоянным напоминанием о том, что однажды наследный принц Иларии достигнет брачного возраста. И как было в течение нескольких сотен лет, так и сейчас старейшины в конечном счете выберут ему в невесты самую прекрасную девушку Варинии. Последняя девушка покинула нас двадцать лет назад, когда нынешний король был еще принцем, а стайки рыб – намного плотнее. Но мама уверила нас, что она и наполовину не обладала такой красотой, как Зейди и я. До случившегося она под-

дразнивала старейшин, что им придется отправить принцу нас обеих и позволить ему самому выбирать, поскольку мы были столь же неотличимы, как серебристые рыбки-перышки.

Сейчас, конечно, было понятно, кого отправят. Небольшой розовый шрам на моей правой скуле стал единственным, что отделяло меня от короны. В любом другом месте моего тела несовершенство размером с варинийскую жемчужину можно было бы и не заметить, но на фоне безупречной кожи Зейди эту неровную отметину не заметить было трудно. К счастью, у меня было семь лет после случившегося для того, чтобы подготовиться, семь лет сравнительной свободы от постоянной суеты нашей мамы. Во всяком случае, по сравнению с Зейди.

Я плюхнулась обратно на подушки на дне нашей лодки и подняла лицо к испещренному облаками небу.

– Ты готова к этому? – спросила я.

– К чему? – с напускным непониманием спросила Зейди, натягивая свою юбку на открытые лодыжки.

– Покинуть Варинию. Оставить маму и Сэмиэля.

Оставить меня.

– Ты не знаешь, выберут ли они меня. Ты такая же красивая, как и я, и ты никогда не болеешь. И до меня дошли слухи, что Элис тоже рассматривается.

Я скептически приподняла бровь.

– Мама говорит, что даже со своим шрамом я красивее,

чем когда-либо будет Элис. Как же она сказала? «Стоит только Элис улыбнуться, и принц побежит за нянькой при виде ее кривого зуба».

Зейди нахмурилась.

– Маме не стоит говорить такие вещи. Элис ничего не может с этим поделать.

– Как и мама, – сказала я, взглянув искоса.

Зейди потянула за одну из веревок, свисающих с борта лодки, хмуро поглядывая на крошечную рыбку, болтающуюся на конце. Уже несколько лет в наших водах вылов рыбы превосходил все мыслимые пределы, хотя никто, казалось, не желал этого признавать. Зейди бережно положила переливающееся чудо на ладонь, сняла крючок и забросила рыбку обратно в море. Она была слишком мелкой для еды. Впрочем, мы могли бы использовать ее в качестве приманки, если бы тут можно было поймать что-то крупнее.

– Я знаю, что с мамой бывает нелегко, но она просто хочет для нас лучшего, – спустя какое-то время сказала Зейди. – Того, чего она сама была лишена.

Полдюжины едких комментариев всплыли в моей голове, но я прикусила язык.

– Возможно, ты права.

И хоть я никогда ей не говорила, но знала наверняка, что Зейди будет избранной; единственной из нас, кто когда-либо ступит на землю – то, о чем я мечтала с самого детства. Со шрамом или без шрама, я никогда не была настолько кра-

сивой, как Зейди. В Варинии мы всегда искали несовершенства, будь то в жемчужинах или в людях, а Зейди всегда замечала только хорошее. Буквально на прошлой неделе, пока я горевала об ущербе, нанесенном нашему дому прошедшей бурей, Зейди наблюдала за небом, выискивая радугу.

И даже когда нашей маме было совсем плохо, Зейди могла найти добрые слова, чтобы ее поддержать.

Я никогда не смогла бы стать такой хорошей, я не обладала таким чистым сердцем. И с этим было тяжелее всего смириться.

– Я собираюсь поплавать, – сказала я, жалея, что не могу сбросить с себя мысли так же легко, как юбки.

Зейди тревожно осмотрелась вокруг. Как юные леди на выданье, мы не должны были появляться на людях босоногими, но нырять в юбке было не просто сложно – это было опасно. Раньше, когда устриц было в изобилии, ныряли в основном юноши. Но сейчас девочки и женщины по возможности им помогали. А в нашей семье, учитывая ежедневную рыбалку отца и отсутствие братьев, других вариантов, как распределить работу, не оставалось. Даже мама не могла много жаловаться, она знала, как сильно нам нужны были дополнительные деньги.

– Ты идешь? – спросила я.

– Соль высушит нашу кожу. И мама об этом узнает.

Я поставила руки на бедра и ухмыльнулась.

– Последний, кто найдет устрицу, должен будет сегодня

готовить ужин.

По правде говоря, мы не могли позволить себе вернуться домой с пустыми руками. Не могли, если хотели поесть на следующей неделе. Но было проще притвориться, что все это было игрой, той, в которой на кону не стояли жизнь или смерть.

– Готова?

Она покачала головой, но ее пальцы уже были заняты развязыванием своей юбки и стягиванием туники, чтобы прикрыть бедра.

– Ты жестока, – сказала она, а затем спрыгнула с лодки в прозрачную воду.

Я нырнула вслед за Зейди и пронеслась мимо нее ко дну. Нарастающее в ушах давление заглушило мой слабый внутренний голос, шепнувший: «*Я знаю*».

Несколькими часами позднее я помешивала в горшочке водянистое рыбное рагу на огне. Когда Сэмиэль вошел в дом, его тело все еще блестело от морской воды после плавания. Сэми был нашим лучшим другом и единственным мальчиком в деревне, который осмелился играть с нами в детстве. Мало того, что наша мама была строгой сверх меры, так еще и отец наш был лучшим другом губернатора. Однако Сэми был освобожден от маминых нагоняев, поскольку его отцом как раз и был губернатор.

– Только не говори мне, что Зейди нашла устрицу быстрее тебя, – поддразнил он. Сэми любил соревноваться так

же, как и я, но Зейди сегодня повезло. Устрица лежала на небольшом столике из коряг, уже очищенная и, к сожалению, без жемчужины.

Наша главная валюта, очень редкие розовые жемчужины, которые можно было найти только в водах Варинии, в последнее время также стала редкостью из-за того, что аппетит иларийцев к жемчугу продолжал расти. Жемчужины шли на украшения для знати, а также их измельчали и добавляли в кремы для кожи и декоративную косметику. В большинстве варинийских семей имелась небольшая баночка с целебной мазью из жемчуга, но ее следовало беречь на крайний случай, так как многие из нас были здоровы от природы, проводя столько времени в наших водах, которые, как поговаривали, как раз и делали жемчуг таким особенным. После случившегося мама ежедневно наносила крем на мой шрам в надежде максимально его скрыть, но в итоге прекратила, когда поняла, что он никогда полностью не исчезнет.

Сэми бросил потускневшую медную пуговицу на стол рядом с пустой створкой устрицы.

– Смотри, что у меня есть для Зейди.

Я неодобрительно *цыкнула*. Согласно закону, Илария была нашим единственным торговым партнером, поставляющим нам все, что не могло предоставить море: одежду, фрукты и овощи, инструменты, книги, бочки и питьевую воду. Даже дрова нам доставляли из Иларии. Но Сэми был исключением из правила. Он часто торговал тайно – и противоза-

конно – с нашими кузенами, галетянами. Более века назад небольшая группа варинийцев, рискуя своими жизнями, ступила на землю, а затем сбежала на север с табуном украденных иларийских лошадей. Эти лошади стали основой галетской культуры, в то время как волны сформировали нашу.

Иларийцы прозвали нас «детьми волн». И именно так они к нам и относились: как к детям.

Иларийцы имели доступ к богатствам, о которых мы могли только мечтать, – не только к питьевой воде и еде, но и к современному оружию и тысяче мужчин. Порой отчаявшийся вариниец пытался высадиться на иларийской земле в поисках более легкой жизни вдали от капризов моря, но с ним обычно оперативно и решительно справлялись солдаты, патрулирующие береговую линию. Возможно, кому-то это и сошло с рук, но пойманного перебежчика ждала неминуемая гибель – в Иларии могли устранять наших людей быстро и без всякого суда и следствия. Ведя с нами дела, они ясно давали понять, что любое нарушение закона Иларии грозит скорой и бесславной смертью.

Я ткнула пуговицу с напускным безразличием, хотя на самом деле меня восхищало все с земли.

– И что же Зейди будет делать с этой пуговицей? Будет застегивать с ее помощью свои брюки, которые не носит?

– Я шью для нее плащ, который она возьмет с собой, когда уедет. В Иларии ей будет холодно.

Сэми не хуже меня знал, что Зейди будет избрана на це-

ремонии. Для него это было так же тяжело, как и для меня, потому что он тоже ее любил. Всегда любил. Я подозревала, что Зейди отвечала ему взаимностью, но они оба знали, что однажды она уедет, чтобы выйти замуж за принца, и поэтому их отношения не могли быть чем-то бóльшим, чем дружба.

– Это так трогательно, – сказала я, – но тебе не следует торговать с галетянами. Если тебя поймают, то повесят.

– Тогда, я полагаю, меня не поймают, – улыбнулся он, обнажив зубы, белые как ракушки на фоне своей загорелой кожи. У юношей не было таких проблем, как у варинийских девушек, по крайней мере, когда дело касалось шрамов и ожогов. Но им приходилось обеспечивать свои семьи, хоть это становилось все труднее. В прошлом году двух жемчужин было достаточно, чтобы в течение месяца прокормить семью. Сейчас же необходимо было вдвое больше, но почему-то качество полученных товаров становилось все хуже. Я давно научилась не задавать вопросов насчет наших торговых отношений с Иларией – об этом должны были беспокоиться старейшины, а не я. И, по словам мамы, у меня были куда более важные проблемы, о которых стоило беспокоиться, например блеск моих волос или длина моих ресниц.

Но это никогда не останавливало меня от размышлений о мире за пределами Варинии.

– Есть новости с Галета? – спросила я.

– Ходят разговоры о восстании в Южной Иларии.

– Значит, новостей нет.

Он покачал головой.

– Ситуация становится все хуже. Король Ксайрус отказался предоставить безопасный переход беженцам, направляющимся на север, хотя галетяне приняли бы их с распростертыми объятиями.

– Ага, ради укрепления своей армии.

– Дело не только в этом. Галетяне тоже когда-то были беженцами.

Я перевернула пуговицу на руке. На ней был выгравирован маленький цветок с множеством лепестков. Я слышала о розах, хоть никогда их раньше не видела. Я пыталась представить мир, в котором такая крохотная вещь, как пуговица, считалась достойной мастерства такого уровня.

– Она прекрасна, – сказала я, прежде чем бросить пуговицу в пустую устричную раковину. – Совсем как Зейди.

Рука Сэми накрыла мое плечо, и я прислонилась к ней щекой.

– Как же мы будем без нее? – прошептала я.

Последовала пауза, а затем и кашель.

– Полагаю, нам с тобой просто придется пожениться.

Я стукнула по его костяшкам деревянной ложкой, которую держала, и он убрал руку.

– Я бы не вышла за тебя замуж, даже будь ты последним парнем в Варинии.

Он положил руку на грудь, изображая обиду.

– А почему нет?

– Потому что ты мой лучший друг. И что еще хуже – ты будущий губернатор.

– Ты права. В любом случае из тебя вышла бы ужасная жена губернатора.

Он схватил со стола сушеный финик и отскочил, чтобы я не смогла его достать.

– Сделаешь это снова, и я клянусь, что не выйду за тебя. И ты останешься с Элис.

Он поморщился.

– Представь наших маленьких детей с акульими зубами. Моя мама бы плакала.

Зейди просунула свою голову в дверь и нахмурилась.

– Вы знаете, что вы *оба* злюки? Элис добрая и верная. Тебе повезет, если она выйдет за тебя замуж.

– Ты права, – сказала я, устыдившись. Я знаю лучше других, каково это, когда о тебе судят по внешности.

Зейди скрутила свои влажные волосы на затылке, позволяя чистой воде после ванны капать в ушат, который мы использовали для того, чтобы мыть в нем посуду. Зейди никогда не засыпала с морской водой в волосах по наказу мамы, хотя чистая вода из Иларии была дорогой и предназначалась для питья и приготовления пищи.

– Разве злой человек принес бы тебе это? – спросил Сэми, протягивая медную пуговицу на перламутровом подносе.

Она ахнула и скрестила руки на груди.

– Я полагаю, да, ведь честному человеку ни за что не уда-

лось бы ее раздобыть.

Он взглянул на меня через плечо, а затем подошел ближе к Зейди.

– Она ведь тебе нравится, так? Пожалуйста, скажи, что нравится. Я хотел сшить тебе плащ, чтобы ты взяла его с собой в Иларию. В горах будет холодно.

– Ты пока не знаешь, поеду ли я, – сказала она, хотя ее тело расслабилось. – К тому же где же ты возьмешь ткань для плаща?

– Честный человек никогда бы не выдал источник.

– Начнем с того, что у честного человека и источника бы не было.

Я притворилась, что помешиваю рагу, – даже разбавленное водой, его едва ли хватит на четверых, – пока наблюдала за ними из-под опущенных ресниц. Я была благодарна Зейди за то, что она не стала отчитывать его за транжирство, эти деньги могли бы пойти на еду. Да, им следовало бы отдаляться друг от друга, будь они уверены, что придется расстаться. Если бы не мой шрам, я, вероятно, могла бы отправиться в Иларию. И тогда Сэми и Зейди могли бы пожениться, когда пожелают, и мне бы удалось увидеть нечто большее, чем гравировку розы на нелепой медной пуговице, предназначенной для другой девушки.

Может быть, в другой жизни, горько подумала я. *Но точно не в этой*.

– Что за чудесный запах? – спросил отец, войдя в дом сле-

дом за Зейди и отодвигая от нее споткнувшегося Сэми. Судя по обветренным щекам и корке морской соли на бровях, отец только что вернулся с глубоководной рыбалки.

– Все то же самое, что мы едим каждый вечер, – сказала я. – Если, конечно, ты не поймал что-нибудь сегодня.

Он печально покачал головой, а мой живот заворчал в ответ. Я постучала ложкой по краю кастрюли, чтобы заглушить предательское урчание.

– Ну и хорошо, папа. В последний раз, когда Зейди готовила рыбу, в доме воняло целую неделю.

Сэми засмеялся, а Зейди сделала вид, что обиделась, легко оттолкнув Сэми в сторону. Даже мой отец позволил себе легкую улыбку в ответ на мою попытку разрядить обстановку.

Мои родители уже заметили, как Сэми и Зейди вели себя друг с другом – это было невозможно не заметить, – но отец относился к этому терпимее, чем мама. Она не хотела, чтобы Зейди отвлекалась от достижения своей главной жизненной цели: стать королевой, чего самой маме в свое время не удалось сделать. Двадцать лет назад этой чести была удостоена другая юная особа, и наша мама не собиралась позволить истории повториться вновь. Я была ее запасным вариантом, хотя в последний год или около того, когда становилось все более очевидным, что Зейди доберется до церемонии целой и невредимой, она сосредоточила бóльшую часть своего внимания на моей бедной сестре.

Отец откашлялся и вернулся к Сэми, который поспешно спрятал пуговицу за спиной.

– Полагаю, твой отец ищет тебя. Ты что-то хотел сказать в свое оправдание? Как насчет дров, которые твои тетушки ждут с самого утра?

Он поднял бровь, но я уловила нотку веселья в его голосе.

– Да, сэр. Я как раз собирался уходить.

Сэми повернулся, чтобы поцеловать в щеку Зейди, а потом меня.

– Увидимся завтра.

– Не завтра, – напомнил ему отец. – Девочки будут готовиться к церемонии, помнишь?

Я понимала, что шутки у отца иногда так себе, но Сэми побагровел.

– Конечно, тогда на церемонии.

Жаль, что отец не ушел и не дал Сэми возможности как следует попрощаться. В следующий раз, когда он увидит Зейди, она уже будет, считай, обрученной с принцем Иларии.

– До встречи, – в один голос сказали мы с Зейди, когда Сэми улизнул на балкон, где к воде спускалась веревочная лестница. Наш дом, как и все дома Варинии, был построен из древесины затонувшего корабля, но раз в несколько лет мы красили его в апельсиновый цвет, любимый оттенок мамы. Это позволяло легко заметить его издалека, яркий цвет служил нам хорошим ориентиром при возвращении домой в

дневное время, когда от фонаря было мало пользы.

Отец присел на низкую скамейку, вырезанную из плавника[1].

– Вижу, сегодня готовит Нора. Значит ли это, что Зейди нашла устрицу?

Он указал на блестящий серый комок сырого мяса, который я положила в одну из наших потрескавшихся керамических мисок. Кое-что из наших пожитков было обменяно, а остальное было найдено на затонувшем судне. Мама никогда не спрашивала, откуда у меня взялись подобные вещи, особенно если я находила что-то, тешащее ее самолюбие, например ручное зеркальце или гребень из панциря черепахи.

Мы с Зейди обменялись взглядами. Признать, что Зейди нашла устрицу, означало признать, что она сегодня плавала вопреки указаниям мамы, которая рассчитывала на внушительный выкуп за невесту. По обычаю принц присылает его семье избранной девушки, как только они поженятся, ну а пока нам нужно было чем-то питаться. Кто знает, сколько устриц будет найдено завтра или на следующей неделе? Сэми подслушал ночной разговор своего отца со старейшинами, который проходил тихим шепотом, поэтому мы знали, что дела обстояли хуже, чем говорили наши родители.

– Нашла я, – мне пришлось объяснить. – Но мы поспорили, что там будет жемчужина, а ее не оказалось.

---

[1] Плавник – здесь: стволы и ветки деревьев, а также обломки деревянных строений, выброшенные прибоем или течением на берег.

– Это позор, но раз уж я ем устрицу, то, полагаю, не имеет значения, кто ее поймал. – Отец подмигнул Зейди, когда она протянула ему миску. – Вы хорошие девочки, вы обе.

Когда он наклонил миску и позволил устрице проскользнуть в рот, мы с Зейди подошли и встали по обе стороны от него.

– Я буду скучать, кого бы из вас ни забрали у меня, – сказал он. – Но я всегда знал, что этот день настанет. Ведь я женился на самой красивой девушке Варинии.

Мама вошла в дом через балкон, заплетая свои только что вымытые волосы в косу. Она никогда не ныряла достаточно глубоко, чтобы барабанные перепонки не лопнули, – так делали многие опытные селяне, чтобы справиться с давлением, – и ее слух был одним из самых острых в деревне. Всего несколько тонких морщинок пролегло в уголках ее глаз и губ, что еще раз свидетельствует в пользу ношения шляпы (справедливости ради вынуждена добавить: и отсутствия привычки улыбаться).

– Наша красота является отражением благосклонности Талоса, дарованной моей семье, – сказала она, выглядывая из окна на темнеющие волны, как если бы за ними наблюдал сам бог океана. Внезапный всплеск морских брызг пробился через щели между нашими деревянными половицами, и мамины глаза вспыхнули с удовлетворением.

– Мы воздадим ему честь своим пожертвованием, – добавил отец.

Я сжала руку Зейди за его спиной и пожелала, чтобы солнце никогда не зашло. Океан никогда не делал даров, не требуя, как говорится, чего-то взамен, а Талос был голодным богом.

2

Следующие два дня мы провели в большом желтом молельном доме с другими девушками брачного возраста. Лично я считала глупым тратить целых два дня на подготовку к церемонии, когда мы шли к этому всю жизнь. Каждый из старейшин уже сделал свой выбор, и для многих из нас никакие прихорашивание и наведение красоты не могли ничего изменить. Вместо этого я бы лучше провела время наедине с Зейди, зная, что вскоре она меня покинет. Но это было традицией, а в Варинии традиция была такой же частью нашего мира, как и океан.

В доме царило оживленное настроение, почти эйфорическое, будто мы были детьми, готовящимися к торжеству. Комната гудела от звучания женских голосов, перемежаясь смехом каждые несколько минут. Все мы были слишком молоды, чтобы помнить последнюю церемонию, за исключени-

ем нескольких матерей, включая мою, которые присутствовали среди нас, чтобы наблюдать и рассказывать истории, пока мы постились и купались в чистой воде, которую следовало бы поберечь для питья. Мы с Зейди втирали ароматические масла друг другу в кожу и заплетали замысловатые косы, затем расплетали их и начинали заново, чтобы скоротать долгие часы.

Я посмотрела вокруг, на других девушек, большинство из которых хорошо знала. В таком маленьком и отдаленном селении, как наше, не было незнакомых лиц, хотя наша чересчур заботливая мама сделала все возможное, чтобы держать нас подальше от других девочек нашего возраста. По ночам она часто рассказывала нам истории о саботаже среди молодых женщин, достаточно взрослых, чтобы участвовать в церемонии: срезание кос среди ночи, растирание жгучей морской крапивы по здоровой коже и даже ожоги горячим маслом.

Мама всегда говорила, что мальчики могут быть сильнее физически, но девочки могут быть вдвое ожесточеннее. Я ни разу не сталкивалась с подобным поведением, чтобы убедиться в маминой правоте, но, с другой стороны, я мало общалась с другими девочками, чтобы спорить с мамой. В окружении Сэми и Зейди я никогда не была одинокой, но мне бы хотелось иметь возможность завести больше друзей.

Как только солнце угасло на горизонте, среди нас начали нарастать беспокойство и напряжение. Фаворитки, Зейди и

Элис, сидели в окружении друзей, осыпающих свою подругу похвалами и одновременно осмеивающих конкурентку.

– Возможно, если бы Элис ни разу не раскрыла свой рот за последние семнадцать лет, то имело бы смысл состязаться, – пробормотала блондинка по имени Миника. – Но, к несчастью для нее, она болтлива как чайка.

Я бросила извиняющийся взгляд на Элис, у которой, по правде говоря, был всего один слегка кривоватый зуб. Ее мама пыталась его выпрямить с помощью лески из конского волоса, но результат был в лучшем случае минимальным. И все же со своими каштановыми волосами и зелеными глазами Элис была, бесспорно, красавицей. Как и Джиния, с ее бронзовой кожей и густыми черными локонами. И Лунелла, чьи большие голубые глаза и утонченные черты лица были гордостью всей ее семьи. Как старейшины могли выбрать среди них, было выше моего понимания, ведь это словно пытаться выбрать красивейшую ракушку.

Зейди бросила на Минику предостерегающий взгляд, заплетая мои волосы в то, что, как я надеялась, было окончательным вариантом косы. Моя голова чесалась и горела от ее рукоделия.

– Хватит, девочки. Элис – моя подруга, и она безупречна именно такая, какая она есть. И если она будет избрана, чтобы отправиться в Иларию, я буду молиться, чтобы Талос благополучно доставил ее на берег, так же, как и любую другую.

– Ты слишком добра, – произнесла Лунелла. – Ласковая и уступчивая как каракатица. Принц съест тебя за ужином, если ты не будешь осторожна.

Зейди покраснела и заправила за ухо выбившуюся прядь волос.

– Как ты думаешь, как выглядит принц? – спросила я, не обращаясь к кому-то конкретно, а просто надеясь отвести внимание от своей сестры. – Мы знаем так мало об иларийцах, хотя, кажется, что о нас они знают все.

– Он красив, как наши прекрасные женщины, – ответила Миника.

Мама села в центре комнаты на одной из пестрых подушек, застилавших пол от стены до стены. Едва ли дом был достаточно большим, чтобы вместить тридцать девушек и женщин, не считая всю их косметику и одежду.

– Дело не только в этом, – сказала она, – как все вы знаете.

Мы все знали. Наша история была вплетена в наше детство, как морские шелковые нити, настолько тонкие, что трудно было сказать, где заканчивается одна и начинается другая. Но теперь мы все расселись, повернувшись к маме, и она начала рассказывать историю. Эта история показалась мне самой подходящей для сегодняшней ночи, я слушала ее накануне утра, которое изменит мой мир навсегда.

– Много лет назад, в королевстве, чье название затерялось во времени, жила мудрая и влиятельная королева. Она родила дочь и назвала ее Илария в честь небесной богини. Улыб-

ка Иларии была сияющей как луна, ее волосы были темными и мерцающими, как ночное небо. Поговаривали, что ее смех заставлял звезды сиять ярче. Народ любил ее, а она отвечала ему взаимностью.

– В одно лето, когда принцессе было только шестнадцать лет, она отправилась на берег со своей семьей. Она посещала роскошные званые вечера и встречала множество красивых молодых людей, но никто из них не мог затмить принца Лаэфа, чья собственная страна, Кувен, находилась далеко за Алатийским морем. Спустя недели тайных встреч и поцелуев украдкой он попросил ее выйти за него замуж, и она с радостью согласилась.

Но, несмотря на их взаимную привязанность, мама Иларии запретила им заключать брак. Кувен было небольшим и слабым королевством по сравнению с царством королевы, которое в ту пору охватывало территорию целого континента. А отец Лаэфа был суровым правителем, который брал от моря все, но не отдавал ничего взамен. Мама Иларии планировала гораздо более выгодный брак с принцем из мощного королевства на востоке, хотя поговаривали, что тот принц был старым и не особенно очаровательным. Как бы сильно она ни любила свою дочь, королева не могла допустить, чтобы та поставила королевство под угрозу.

Несколько девушек неодобрительно ахнули.

Мама нахмурилась.

– Мне не нужно напоминать никому из вас о важности

долга, не так ли? – Мама посмотрела прямо на мою сестру, хотя никто не осознавал всей тяжести ответственности Зейди больше, чем она сама.

Зейди серьезно кивнула, в то время как я еле сдерживалась, чтобы не закатить глаза.

– Илария и Лаэф вернулись в свои дома, но в ночь перед ее свадьбой каждый из них собрал своих самых преданных слуг и украл корабль своих родителей. Он был неопытным моряком и она никогда не выходила в море, но они слишком сильно любили друг друга, чтобы расстаться. Следующим вечером их корабли встретились посреди Алатийского моря. На несколько дней они остались на корабле Лэйфа, в океане, наслаждаясь друг другом. Они поженились на седьмой день, планируя вернуться в Кувен. Отец Лаэфа благословил их брак, поскольку был уверен в том, что маме Иларии придется согласиться на союз, который был бы крайне выгоден его королевству.

Когда взошло солнце в тот день, когда они были готовы отплывать, смех Иларии плясал по волнам, как запущенный камешек, а принц нежно прижал ее, чтобы поцеловать. Возлюбленные и не подозревали, что Талос, бог моря, наблюдал за ними. Он понимал, что эти двое принесут отцу Лаэфа безмерное счастье, счастье, которого он не заслужил. В наказание за то, что он никогда не давал морю того, что ему причиталось, Талос поклялся забрать самое дорогое у Лаэфа – Иларию.

Болезненная дрожь пробежала по моей голове, и я теснее прижалась к Зейди.

– Талос призвал гигантские волны, которые подбрасывали корабли как коряги. Возлюбленные прильнули друг к другу, поклявшись вместе умереть, если бы до этого дошло. Но сам Талос оседлал гребень волны выше мачты корабля и вырвал принцессу из рук Лаэфа, утягивая ее в пучину в своих смертельных объятьях.

Мы посмотрели через большое эркерное окно на дом губернатора Кристоса, где на бушприте[2], выступающим с крыши, возвышалась носовая фигура затонувшего судна Иларии. Она являла собой вырезанную из дерева деву, краска на ней уже давно стерлась под воздействием ветра и моря, одна рука была поднята над головой, как будто она тянулась в объятья своего возлюбленного.

Я не верила в эту историю, по крайней мере, в ту ее часть, где говорилось о Талосе, который, по моим представлениям, был больше духом, нежели материальным существом. Но идея о запретном романе двух молодых людей, рискующих всем, чтобы быть вместе, всегда была мне очень близка. Встретить незнакомца с далекой земли, оставить позади долг и обязательства ради любви… Это была фантазия, к которой я обратилась, когда меня ошеломила мысль о том, что я проведу остаток своей долгой жизни в этой небольшой деревне.

---

[2] Бушприт (нидерл. *boegspriet*, от *boeg* – «нос», *spriet* – «пика, вертел») – горизонтальный или наклонный брус, выступающий вперед с носа парусного судна.

Среди девушек послышался шелест голосов. Даже несмотря на то что все мы уже знали эту историю, мама преподнесла ее таким образом, что у меня по коже побежали мурашки, как по полой раковине мертвого морского ежа.

– Что стало с принцем Лаэфом? – спросила девушка.

– Когда Иларию вырвали из его рук, он прыгнул в воду вслед за ней. И больше его никто не видел. Поговаривают, что на том месте из сердец двух влюбленных, разлученных при жизни, но воссоединившихся посмертно, вырос первый красный коралл.

Теперь моя мама смотрела на меня, и я боролась с покалыванием в щеке. Красный коралл даровал мне не только имя, но еще и шрам – и он почти стоил мне жизни.

– А как же слуги? – спросила другая девушка.

– Верны до смерти. Они пообещали заботиться о своем принце и принцессе и отказались покидать место их гибели. Это место, где сейчас находится Вариния. Они дали обет, что ни один вариниец не ступит на землю, пока не родится новая наследная принцесса, которая заменит ту, что они потеряли.

– Почему мы направляем им наших женщин? – спросила я неожиданно для себя. Это был вопрос, который преследовал меня в течение долгих лет, но который раньше я никогда не осмеливалась задать. А сейчас, мне показалось, самое подходящее время для него, ведь здесь и сейчас мама не могла меня проигнорировать.

Она прищурилась, глядя на меня.

– В качестве наказания за потерю принцессы слуги отправляли дары с моря маме Иларии, которая переименовала королевство в честь своей дочери. В последующие годы страну охватила эпидемия чумы. Погибли тысячи людей, а многие из выживших женщин остались бесплодными. До этого времени трон всегда наследовался по материнской линии, но у королевы не было дочерей, а только больной сын. И когда ему пришло время жениться, подходящую невесту просто не из кого было выбирать.

Но Вариния, которая, как вам известно, означает плодородные воды, избежала чумы. Когда они отправили прекрасную девушку доставить жемчуг и морской шелк королеве, иларийский принц влюбился в нее, и с тех пор возникла традиция варинийской невесты.

Я наблюдала за мамой, отвечающей на вопросы других девушек, вопросы, ответы на которые мы уже все знали, но все равно задавали. Это было частью ритуала. Воздух в комнате наполнился теплом и терпким парфюмом, и кто-то открыл крышку люка в крыше, чтобы впустить сразу и легкий ветерок, и лунный свет, который подсветил мамины волосы и лицо.

Наша бедная мама всегда верила в то, что ее должны были избрать на последней церемонии, но вместо этого проиграла другой девушке. Отец по-прежнему называл ее прекраснейшей девушкой Варинии и всегда говорил, что благодарен старейшинам, ведь если бы не их глупость, пришлось

бы отдать маму королю. Но мамино негодование было слишком сильным, чтобы найти утешение в сладких речах нашего любящего папы, и единственным, что могло примирить ее с действительностью, было завтрашнее избрание Зейди. Иногда я задаюсь вопросом, будет ли и этого достаточно.

Позже той ночью мы с Зейди беспокойно ворочались и метались рядом друг с другом на своих подушках, как и все остальные девушки в комнате. Было слишком жарко и душно, а завтра намечалось слишком много поездок, чтобы спать. Даже многократное *плюх-плюх* волн об опоры под нами, звук, который обычно убаюкивал меня, сейчас действовал раздражающе на мои оголенные нервы.

Дыхание Зейди согревало мою кожу, когда она говорила.

– Можно поделиться с тобой кое-чем? Тем, что я никогда и никому не рассказывала?

Я развернулась к ней, сердце забилось немного быстрее, когда я подумала о том, что Зейди хранит секрет. Я рассказывала ей обо всем. Всегда.

– Конечно.

– Я надеюсь, что завтра они изберут Элис.

Я глубоко вздохнула.

– Что? Почему? Я думала, это то, чего ты так хотела.

Черты лица Зейди были скрыты в темноте, но я могла представить тревожные борозды над ее бровями.

– Я хочу остаться здесь, с тобой. Я хочу выйти замуж за Сэми. Я люблю его, Нора.

Что-то холодное и скользкое, как морской угорь, шевельнулось в моем животе. Разумеется, я хотела, чтобы Зейди осталась, чтобы они с Сэми были вместе. Но я не могла и представить себе, какая роль будет уготована мне в жизни Зейди, если ее желание исполнится.

– Я знаю.

– Как думаешь, они выберут ее? Она *действительно* прекрасна, рассудительна и заботлива. Вне всякого сомнения, эти качества имеют большее значение, нежели кривой зуб, даже в Варинии.

– Возможно, – сказала я. – Но разве ты не хочешь стать принцессой? Разве ты не хочешь повидать мир? Нет ничего хуже, чем остаться здесь навсегда.

– Вариния – мой дом. И вы с Сэми – мой дом. Разве может мир предложить мне нечто большее?

Розы, подумала я. И лошадей, и дворцы, и всевозможные вещи, которые, вне сомнения, я даже не смею себе представить. Чего только *не мог* предложить мир?

– А если они выберут тебя, ты действительно хотела бы уехать?

– Да, – ответила я, не задумываясь ни на секунду. Но мы обе знаем, что этого не будет. – Что ты собираешься сделать, если они изберут тебя завтра?

Когда Зейди моргнула, ее глаза блестели в свете луны.

– Я поеду. Но уедет только мое тело и больше ничего. Сэми завладел моим сердцем, а ты, моя милая сестра, моей

душой.

Наступил светлый и яркий день церемонии, принося с собой одновременно облегчение и ужас. Мне хотелось выйти наружу, чтобы вдохнуть полной грудью воздух, который не пришлось бы делить еще с двадцатью девятью женщинами. Но Зейди дрожала рядом со мной, как перышко на ветру, когда мы ступили на длинную пристань, соединяющую молельный дом с домом губернатора.

Все девушки оставили свои выцветшие на солнце туники и пропитанные солью юбки ради надлежащих нарядов, большинство из которых передавались в семьях по наследству от матери к дочери. Зейди выделялась из всех, стоя в своем новеньком шелковом платье, таком же розовом, как те семь жемчужин, за которые оно было куплено мамой и на которые вся семья могла питаться целых два месяца.

Надо отдать должное отцу, который пытался ее урезонить.

– Зейди точно выберут, даже если она наденет холщовый мешок, в котором мы храним зерно, – возражал он.

Но мама оставила это без внимания и вручила платье Зейди.

– Розовое – для моей жемчужины, – сказала она, а затем повернулась в мою сторону и выдала мне свое старое церемониальное платье, которое когда-то было белым. – И красное – для тебя, Нора. Цвета коралла, в честь которого тебя и назвали.

Крови. Именно это слово она не произнесла. Свежевыкрашенный батистовый наряд, который выглядел так, будто его насквозь пропитали кровью.

Вода, окружающая деревянный причал, была заставлена суднами, целые семьи собрались в одном месте ради церемонии. Большинство лодок было переполнено людьми, грозясь опрокинуться, если какой-нибудь малыш решит переместиться, как склонны поступать малыши.

Сэми стоял подле своего папы, губернатора Кристоса, на пороге своего дома, выкрашенного в темно-оранжевый цвет. Носовая фигура отбрасывала на них свою длинную тень, а ее пустые глаза любовались морем. Мы с Сэми переглянулись, его зубы сжались прежде, чем взгляд снова уперся в деревянный настил под ногами.

– Прекрасные люди Варинии, – начал губернатор Кристос.

Он представлял собой рослого широкоплечего мужчину с пышной темной бородой, тронутой сединой.

– С самого нашего скромного начала наше поселение было благословлено морем. Оно не только дарит нам еду и приют, но также эти воды делают нас сильнее и мужественнее. Насколько я знаю, наша старейшая селянка только что отпраздновала свое стопятидесятилетие.

Сотни людей повернулись к лодке возле пристани, где сидела престарелая мать Агата в окружении своих семи взрослых детей и бесчисленных внуков и правнуков. Мы все склонили свои головы в знак почтения.

– Теперь пришло время отправить одну из наших дочерей в Иларию, где однажды она станет королевой. Это потеря для всех нас, но также и великая честь, и мы делаем это не столько из необходимости, сколько из великодушия.

Я чуть не усмехнулась вслух, но вовремя сумела сдержаться. Нет, в этом не было *необходимости*, пока продолжались постоянные поставки еды и воды. Я не знаю, когда варинийская традиция передачи жемчуга и женщин переросла из искупления в воздаяние, когда клятва никогда не ступать на землю стала законом, исполняемым под страхом смерти, – но я знала, что уже бы давно доплыла до берега, если бы у меня был хоть какой-то выбор в этом вопросе.

Губернатор спустился по пристани к нам, девушкам, выстроившимся в ряд, словно драгоценные камни на цепочке.

– Старейшины совещались до самого утра, поскольку считают это самым важным из решений.

Уголком глаза я взглянула на старейшин. Они сидели в креслах перед домом губернатора, группа из тринадцати мужчин и женщин, которые выглядели на удивление бодро, учитывая, что каждому из них не менее ста лет.

– Старейшина Немея, не хотели бы вы выступить с объявлением? – спросил губернатор у женщины, сидящей в центре.

Ее коса, белая как морская пена, опускалась до колен, а ее выцветшие юбки волочились за ней, пока она медленно сходила к причалу. Элис ближе всех стояла к дому губернатора,

и я ощущала, как вслед за ней у каждой из девушек перехватывало дыхание, когда мимо них проходила старейшина.

Но она не останавливалась, и откуда-то за мной послышалось, как кто-то ахнул, а затем всхлипнул. Должно быть, это была мама Элис, почти такая же амбициозная женщина, как и наша собственная мама. Как только мы перешагнули из детства в девичество, наша мама запретила нам общаться с Элис, что всегда меня печалило. В конце концов, если кто-то и разбирался в жизни Варинии, так это Элис.

Зейди стояла слева от меня, а старейшина Немея подходила с правой стороны от меня. Мой взгляд был опущен, как и было принято в присутствии старейшин. В поле зрения появились надетые Немеей тапочки, и на мгновение я задумалась о том, есть ли хоть какой-то шанс, что она может остановиться передо мной. Это была глупая – и мимолетная – мысль, а в следующую секунду она остановилась прямо напротив Зейди.

Никто, кроме сестры, не заметил бы, но я услышала, как дыхание Зейди участилось, совсем чуть-чуть. Я не смогла ничего с собой поделать и подняла взгляд. Старейшина Немея подняла одну руку и положила свою скрюченную ладонь на плечо Зейди. Я внимательно осмотрела толпу в поисках матери и отца, чья лодка находилась рядом с толпой. Мамины глаза зафиксировались на Зейди, и она даже не пыталась скрыть ухмылку, расплывающуюся на ее лице.

– Зейди, – начала старейшина Немея. – Ровно через неде-

лю ты отправишься в Иларию, чтобы выйти замуж за принца Сирена. Ты завоевала честь для своей семьи и всей Варинии.

Зейди склонила свою голову, когда губернатор Кристос выступил вперед, чтобы возложить на нее венок из редких белых морских цветов как корону и символ настоящей короны, которую она довольно скоро наденет. Он нежно поцеловал ее в обе щеки.

– Моя дорогая девочка, мы будем по тебе скучать, – прошептал он так, чтобы это услышали только мы с Зейди.

– И я по вам, – сказала она.

Он отвернулся от Зейди, чтобы посмотреть на людей.

– Старейшины сделали выбор! – прокричал он. – А теперь давайте праздновать!

Из толпы поднялась волна ликования, а мне пришлось сжать руки в кулаки по бокам, чтобы не потянуться к сестре. Когда я взглянула на Сэми, то увидела, что его ладони были стиснуты так же крепко, как и мои.

Все, что нам осталось, – это одна неделя. А после мы уже никогда не увидим Зейди.

3

Пока остальные жители поселения открывали бочонки домашнего вина и осыпали наших родителей поздравлениями, я удалилась в лодку нашей семьи под домом губернатора. Я твердила себе, что моя скорбь была исключительно из-за сестры, но частичка меня оплакивала мою собственную потерю. Я не только проведу остаток жизни в Варинии, но и сделаю это без Зейди.

– Нора?

Я посмотрела наверх и увидела Сэми на лестнице, спускавшейся вниз от его дома.

– Не против, если я к тебе присоединюсь? – спросил он. – По правде говоря, я не в настроении праздновать.

Я разразилась очередным приступом рыданий, когда он опустился в лодку возле меня.

– О, Нора. Пожалуйста, не плачь. – Он притянул меня к

себе в объятья и держал меня, пока я пыталась сдержать поток своих слез.

По легенде, жемчужины были слезами богов, но мы, смертные, плакали просто соленой водой, а ее у нас тут было более чем достаточно.

Сэми убрал мои волосы от лица.

– Так будет лучше для Зейди и для твоей семьи.

Я потрясенно подняла глаза.

– Что?

– Это слава, Нора. Высшая честь.

– Это ложь, и ты знаешь об этом. Если это такая честь, почему бы иларийцам не выбрать кого-то из своего собственного королевства? Если мы такие особенные, почему остальным из нас нельзя ступить на землю?

– Нора.

Я отпихнула его и переместилась на другую скамью.

– Она любит тебя, Сэми. Она рассказала мне прошлой ночью. А теперь она должна оставить нас и выйти замуж за принца, который никогда не сделает ее счастливой.

Теперь был его черед выглядеть потрясенным.

– Она меня любит?

– Да.

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Она сказала, что не желает уезжать, что она хочет остаться здесь и выйти за тебя замуж.

Сэми несколько минут сидел безмолвно.

– Скажи что-нибудь, – наконец произнесла я. – О чем ты задумался?

– Она меня любит.

– Неужели в это так сложно поверить?

– Да! – Он начал ерошить свои темные волосы, прежде чем вспомнил, что должен был сегодня выглядеть солидно.

– Я всегда *надеялся*, что она любит меня, и иногда я думал, что, возможно, у нее есть ко мне чувства, но каждый раз, когда я пытался стать ближе, она отталкивала меня. Я думал, что она хочет уехать в Иларию. Я думал, что все девушки об этом мечтают.

– Поверь, я хорошо знаю свою сестру.

Он покачал головой и опустил взгляд.

– Наши отцы разговаривали.

Я теребила болтающуюся нитку своего корсета.

– Они всегда разговаривают.

– Нет, это другое. Сегодня вечером мой отец сказал мне, что мы с тобой должны…

Я опустила руки.

– Должны что?

Сэми поднял на меня глаза.

– Пожениться.

Это слово повисло в воздухе между нами, тяжелое, как грозовая туча.

– Пожениться, – повторила я.

– Как только нам исполнится восемнадцать. Наши отцы

всегда этого хотели, я думаю, чтобы объединить две семьи. Они всегда были как братья друг для друга, а теперь и правда ими станут.

– Но мы не можем пожениться, – выпалила я. – Мы не любим друг друга.

Он вздохнул с отчаянием.

– Любовь не является обязательным условием для брака, Нора. Ты думаешь, Зейди полюбит принца Сирена?

Он выплюнул это имя как горькую косточку.

– Мои родители женились по любви, так же, как и твои. Если мы поговорим с ними, скажем им то, что рассказала мне Зейди прошлой ночью, возможно, они изменят свое мнение.

Но Сэми уже выглядел смирившимся.

– Старейшины приняли это решение, не наши родители. Так уж случилось, что они тоже этого хотели.

Сейчас я была слишком потрясена, чтобы плакать. Я не знала, какой будет жизнь без Зейди, но я совсем не ожидала *этого*.

Наша лодка начала раскачиваться, когда Сэми пересел ко мне.

– Могло быть и хуже, – мягко сказал он. – Они могли бы устроить все так, чтобы мне пришлось жениться на Элис. А тебе пришлось бы остаться с кем-то другим. Ты бы этого хотела?

Я сжала руки в кулаки в складках юбок.

– Нет, конечно же, нет. Просто прямо сейчас все это слишком. Я никак не могу разобраться с этим.

– По крайней мере, вы будете обеспечены всем необходимым. А когда я стану губернатором, то буду противостоять иларийцам в отличие от своего слабохарактерного отца.

Я бросила на него взгляд краем глаза.

– Осторожнее, Сэми. Твой отец не настолько слаб, чтобы не исполосовать тебя, как морскую змею, если он услышит, что ты такое говоришь.

Он обнял меня за плечи, и тогда я поняла, почему мы никогда бы не смогли пожениться: потому что когда он прикасался к Зейди, он делал это почти благоговейно, как если бы она была хрупкой, как птичье яйцо, ко мне же он прикасался как брат к сестре. В его прикосновении ощущались комфорт и уверенность. Мужчина должен был бы завидовать каждой волне, прикасающейся к телу его возлюбленной, а не класть ей руку на плечо как на подушку.

Я высвободилась из-под его руки.

– Сейчас я должна найти Зейди. У нас не было возможности поговорить.

Я была рада, что он не пытался меня остановить, но мне было интересно, что он на самом деле чувствовал по поводу нашей помолвки. Было ли это просто потому, что я была лучшим человеком после Зейди, или он действительно верил, что может любить меня так, как муж любит жену?

Я пыталась увидеть в нем не просто лучшего друга, но и

завидного жениха. Сегодня он был одет в великолепную тунику и брюки, а его волосы искусно уложены и зафиксированы – ну или были зафиксированы, прежде чем он их взлохматил. Но когда я взглянула в его глаза, то увидела того же вредного мальчишку из моего детства, того, который сбросил якорь, не закрепив трос, и сказал отцу, что это была моя вина. Того, который однажды украл мою тунику, и поэтому мне пришлось возвращаться домой после погружения, натянув свои юбки, как платье. Когда его глаза, обрамленные длинными темными ресницами, которым завидовали многие девушки, встречались с моими, я не чувствовала ничего, кроме той любви, которую я испытываю к своей семье.

– Я зайду завтра днем, – сказал он. – Когда уйдут ваши родители. Скажи Зейди… Скажи ей, что старейшины не ошиблись.

Мне удалось слегка улыбнуться.

– Ты должен ей сам рассказать. Спокойной ночи, Сэми.

Я потянулась к лестнице, ведущей на причал, когда ощутила его ладонь на моей.

– Я ведь тоже об этом не просил, ты же знаешь.

Холод в его голосе изумил меня, и я осознала, что уязвила его гордость своей реакцией на рассказанные им новости. Сэми был добрым и красивым, и однажды он мог бы стать отличным руководителем. Любая девушка мечтала бы выйти за него замуж. Но мне было необходимо, чтобы он понял, что почувствовала я.

– Я не моя сестра, Сэми, – сказала я ему как можно мягче.

– Я никогда этого и не говорил.

Наши глаза встретились еще на мгновение, прежде чем я выбралась из лодки, оставляя Сэми одного в темноте.

Я все еще пыталась переварить новости Сэми, когда отправилась на поиски Зейди. Я обнаружила ее окруженной другими девушками с церемонии отбора и была счастлива видеть сестру улыбающейся. Золотисто-карие глаза Зейди начали затуманиваться, когда она сделала еще один глоток вина. Обычно нам не разрешалось употреблять алкоголь, но сегодня, казалось, никакие правила не действовали.

– Ты, должно быть, завидуешь своей сестре, – сказала мне женщина маминого возраста. – Она уедет из Варинии. Она выйдет замуж за принца.

Как будто я была не в курсе.

– Да, мэм, ей очень повезло.

– Подумать только, если бы ты не высвободила ее много лет назад из той рыболовной сети и не порезала свою щеку, то, вероятно, ты могла бы стать избранной сегодня. Должно быть, сложно не винить сестру в своем несчастье?

Я снова взглянула на эту женщину и почувствовала то же странное ощущение в своем животе, подобное извивающемуся морскому угрю. Это была мама Элис.

Вопреки тому, что думали многие варинийцы, я никогда не винила Зейди за шрам на своей щеке. Это была неболь-

шая цена за жизнь моей сестры. Это не значит, что я никогда не завидовала своей близняшке или что я никогда не представляла, как бы все сложилось, если бы того несчастного случая не произошло. Но я часто утешала себя тем фактом, что, если бы у меня не было шрама, мы с Зейди провели бы всю жизнь соревнуясь друг с другом. Идея о том, чтобы видеть в своей сестре препятствие, а не лучшую подругу, была невообразимой.

Мама Элис была похожа на камбалу, которая ворошит давно осевший песок, пытаясь поднять на поверхность тяжелые воспоминания. Я закопала их там, где им и надлежало находиться. Жить прошлым было так же бессмысленно, как пытаться найти ту же самую волну во второй раз, как всегда повторял отец.

– Я счастлива за свою сестру, – сказала я, а затем вышла, чтобы присоединиться к Зейди.

Мы вернулись домой поздней ночью, после того, как все поселение отметило праздник достаточным количеством домашнего вина, чтобы скрыть тот факт, что никакого праздника не было там, где ему следовало бы быть.

Мама уже почти засыпала к тому времени, когда отец привел Зейди домой, но торжествующая улыбка так и не сошла с ее лица. Она смаковала каждое без исключения поздравление, упивалась завистливыми взглядами других матерей, многие из которых, похоже, знали, что у мамы теперь среди дочерей будут принцесса и жена губернатора. В Варинии

слухи распространялись быстро, но было неясно, говорил ли уже кто-нибудь Зейди о моей помолвке, поскольку сестра была под действием вина и бури эмоций сегодняшнего дня, она все еще находилась на волне эйфории всей деревни.

Я помогла ей раздеться и уложила в постель, а затем бережно сложила наши наряды. Я попыталась представить свою сестру в корсете из китового уса и туфлях на высоком каблуке – вещах, которых никогда не видела, но была наслышана о них от Сэми, который встречался со всевозможными людьми в порту, где занимался своей незаконной торговлей.

Только иларийские мужчины приезжали на плавучий рынок, где мы делали покупки, и они никогда не говорили с нами о жизни в Иларии. Они были вежливыми, но немногословными, поддерживая разговор о бизнесе в своей отрывистой манере. (И хоть мы разговаривали на одном языке, я всегда считала, что наш варинийский говор звучит мелодичнее.) Но спустя годы я по крупицам сложила картину их жизни на земле, в том числе по их одежде – совсем не вычурной; хоть и красивой – но не лишенной некоторой манерности. И пока мама торговалась, я часто изучала изощренные гравировки на их суднах: люди и лошади, деревья и реки, и десятки существ, которым я не могла подобрать названий.

Возможно, если бы я вышла замуж за Сэми, я бы могла сбежать с ним и однажды увидеть все эти вещи своими глазами. Безусловно, жена губернатора намного свободнее, чем дочь селянина.

Я укрыла свою сестру одеялом, и при мысли, что у нас с ней осталось так мало времени, у меня на глазах выступили слезы. Это было более жестоким поворотом судьбы, чем осознавала мама Элис, что Зейди уедет из Варинии и повидает мир, в то время как я остаюсь здесь и выйду замуж за парня, которого любит она. Я сердито вытерла свои слезы, случайно задев свой шрам на щеке. Не будь его, избранной могла бы стать я, а Зейди могла бы выйти замуж за Сэми. Я совсем не была в обиде на свою сестру, но я пробурчала такое проклятие Талосу, которое заставило бы покраснеть даже Сэми. Все это было несправедливо.

Я улеглась на наполненный соломой матрас рядом со своей сестрой и осторожно сняла ее корону из морских цветов, а затем начала расплетать ее косы. Я думала, что она уснула, но вдруг услышала, как она издала такой усталый вздох, который скорее подошел бы старейшине Немее.

– Что случилось? – прошептала я.

Мама и отец спали в своей постели в другом конце дома, но роль дверей между нашими комнатами выполняли только занавески.

– Просто все это нахлынуло на меня.

– Что?

– Что значил сегодняшний вечер. Ненадолго я позволила себе забыться. Я была просто девушкой, празднующей со своими друзьями.

Она перевернулась, чтобы я могла продолжить колдовать

над ее косичками с другой стороны головы.

– Не могу поверить, что я должна буду уехать через неделю. Я никогда тебя больше не увижу. Этого не может быть.

– Тогда давай сделаем вид, что это не так, – сказала я, сдерживая вновь подступающие слезы. – Давай проведем эту неделю, делая все, что мы так любим. И не будем упоминать ни о чем, что не касается этих семи дней.

– Это ведь ничего не изменит.

– Да, но это лучше, чем провести следующие семь дней в слезах. И я сомневаюсь, что принц захочет увидеть свою невесту опухшей, как рыба фугу.

Она выдохнула через нос. Я наконец расплела ее косы, и теперь копна темных волн, похожих, как две капли воды, на мои, веером раскинулась вокруг Зейди.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда чем бы ты хотела завтра заняться?

– Я хочу встретить с тобой рассвет.

– Это примерно через два часа. Согласишься ли ты посмотреть на закат завтра?

– Полагаю, да. Потом я хочу отправиться на риф и поплавать с черепахами. Я хочу найти самую толстую устрицу из всех, что я когда-либо находила, внутри которой будет четыре-пять жемчужин, и Сэми выменяет их на свежие фрукты. А затем я хочу…

– Я думаю, для одного дня достаточно, Нора.

Я зевнула и приподняла свои волосы, прежде чем улечься

на бок. Мы часто так спали, лицом к лицу. Мама говорила, что с младенчества.

– Должны ли мы пригласить Сэми? – спросила я.

– Не завтра.

Я облегченно улыбнулась. Я хотела провести день наедине со своей сестрой. Я не хотела думать ни об Иларии, ни о своем предстоящем замужестве. Завтра будет принадлежать только нам с сестрой.

Отец позволил нам взять лодку на день, если мы пообещаем вернуться с несколькими жемчужинами. Как всегда, не было никакой гарантии, что мы сможем найти хотя бы одну, но у меня было хорошее предчувствие насчет сегодняшнего дня. Как только дом скрылся из поля зрения, я сняла шляпу и завязала свои юбки между ног. Наша лодка была единственной на воде – многие люди, как и мама, отсыпались после праздника и выпитого вина. Зейди выглядела слегка бледнее, чем обычно, но, прежде чем затащить в лодку, я заставила ее выпить черпак свежей воды и съесть немного каши.

Теперь она сидела напротив меня, ее лицо затеняли широкие поля шляпы. То, что церемония позади, не означало, что она может вести себя так же беспечно, как ее сестра, пробурчала мама, когда мы выходили за дверь.

– Ты можешь снять свою шляпу, Зейди. Мама тебя здесь не увидит.

Она не отрывала взгляда от воды.

– Я сниму, как только мы доберемся до рифа. Сейчас нет смысла рисковать.

А когда ты прибудешь в Иларию? – Хотела спросить я. *Тогда ты будешь рисковать?* Мы пообещали не заводить разговоры об Иларии на этой неделе, однако наши мысли вращались вокруг церемонии столько, сколько я себя помню. Но теперь этот этап пройден, о чем еще говорить с Зейди, кроме ее отъезда?

Сегодня солнце палило нещадно, не было ни единого облачка, чтобы принести облегчение. Я запрокинула голову назад, чтобы намочить свои волосы и остудить голову, и ахнула, когда вода потекла по моей шее. С этого момента я буду носить распущенные волосы и позволю своей коже загореть так, как у мужчин. В любом случае всем нам суждено выглядеть так, как старейшина Немея, с седыми волосами и кожей, подобной пустому мешку пеликана. Что такого чудесного в том, чтобы быть прекрасной, если все это означало находиться вдалеке от людей, которых любишь, это в лучшем случае, а в худшем, ты проведешь остаток жизни с ощущением своей неполноценности?

Обычно гребла я, чтобы руки Зейди не стали жесткими и мозолистыми, но сегодня мы никуда не спешили, поэтому я позволила своим пальцам проводить по водной глади и позволила волнам уносить нас навстречу рифу. Наши весла были обернуты тканью, чтобы настолько минимизировать тре-

ние, насколько это было возможно, но даже если на моих ладонях и появлялся случайный волдырь, то быстро заживал. Настолько быстро, что даже при всей моей безалаберности после несчастного случая у меня не появилось ни одного нового шрама. Врач верил, что моя удивительная способность к заживлению была как-то связана с кровавым кораллом, но подробностей он сам не знал.

– Итак, – сказала Зейди, – кого бы ты рассматривала в качестве своего жениха?

Холодок пробежал по коже моей головы, несмотря на жару.

– Что?

– Я считаю Эйо очень симпатичным. И, кажется, он всегда находит самые розовые жемчужины. Его семья питается лучше, чем другие.

Зейди раньше никогда не спрашивала меня о замужестве. И она знала, что меня не интересует никто из деревенских парней. Когда я мечтала о будущем, то всегда представляла себе жизнь на земле, а не здесь, в Варинии. И я не могла подвести Сэми, прекрасно зная, что должна выйти за него. Было бы лучше, если бы Зейди уехала в Иларию и никогда бы даже не услышала об этом. Правда только причинит ей боль.

Я решила подыграть. Вреда от этого уж точно не будет, так?

– Эйо красивый, и он действительно находит много жем-

чуга. Но ты когда-нибудь подходила к нему настолько близко, чтобы почувствовать его дыхание?

Она засмеялась.

– Нет, а что?

– У него изо рта пахнет тухлой рыбой. Я бы не смогла выйти замуж за молодого человека, который так пахнет, даже за все жемчужины в Алатийском море.

– Тогда скажи мне: кто достаточно хорош для моей милой сестренки? Иано?

Я покачала головой.

– Слишком низкий.

– Тогда Джовани. Он самый высокий парень в деревне и еще продолжает расти.

На мгновение я задумалась, обмахиваясь своей шляпой. Джовани был высоким, и изо рта у него не пахло. Он яростно защищал свою младшую сестру, нашу с Зейди ровесницу. Мы не были знакомы близко, но в молельном доме перед церемонией я слышала, как несколько девушек обсуждали его. Насколько я поняла, он очень почитает своих родителей и упорно трудится.

Хотя это мало что значило. Мне было суждено выйти замуж за Сэми. Я вспомнила, как он обвил меня руками прошлой ночью, и в моем животе снова скрутился морской угорь.

– Я бы подумала насчет Джовани, – сказала я.

Зейди захлопала в ладоши, довольная тем, что нашла для

меня подходящую пару.

– У вас двоих будут чудесные дети, – сказала она, прежде чем улыбка сползла с ее лица.

Я точно знала, о чем она подумала: что мы никогда не увидим детей друг друга.

Сегодня я не могла позволить своим мыслям углубляться в опасные темы. Я свесилась с края лодки как раз в тот момент, когда черепаха исчезла из поля зрения.

– Мы на месте!

– Уже?

– Взгляни, – сказала я и указала на место над рифом, где вода меняла цвет. Я вся обливалась потом и поэтому не сразу смогла выбраться из своих юбок. Я перелезла через борт лодки, а затем позволила себе погрузиться на несколько футов ниже поверхности воды и осталась в подвешенном состоянии, невесомой, в том месте, где всегда чувствовала себя наиболее свободно. Спустя мгновение был сброшен якорь, и я ждала, когда Зейди присоединится ко мне.

Она нырнула всего в нескольких дюймах от меня, пустив пузырьки мне в лицо. Я потянулась и ущипнула ее прежде, чем она смогла бы увернуться, а потом мы взялись за руки и замерли так на мгновение, улыбаясь друг другу и притворяясь, что не пытаемся победить в состязании, кто продержится дольше. Даже несмотря на то что я погрузилась первой, объем моих легких был больше, и Зейди показала мне язык, прежде чем взметнуться на поверхность.

В следующее мгновение вынырнула и я.

– Итак, что же будет сегодня? Та, кто первой найдет устрицу, освобождается от готовки сегодня вечером *и* завтра?

– Та, кто первой найдет *жемчужину*, – предложила Зейди. – Какая польза от устрицы без жемчужины? Разве что закуска для отца.

Меня грела мысль о том, что найденные нами устрицы давали отцу достаточно энергии, чтобы отправляться в глубокие воды за рыбой, но правда была такова, что его ребра проступали больше, чем у остальных в нашей семье. Он хлопал по своему плоскому животу каждый вечер после ужина, притворяясь сытым, но его порции становились все меньше, в то время как наши с Зейди – больше.

– Очень хорошо, – ответила я. – Согласна.

Затем я сделала глубокий вдох и снова нырнула в воду, намереваясь найти устриц быстрее своей сестры.

Одну я заметила почти сразу, а кровавый коралл неподалеку был хорошим знаком, впрочем, я держалась подальше от него. Связь между кровавым кораллом и устрицами была нашей тайной, которую мы приняли, даже несмотря на то, что кровавые кораллы были крайне ядовитыми. Все, что мы знаем, – это то, что в этих водах они окрашивают жемчуг в розовый цвет, а розовая жемчужина была в пять раз ценнее своей светлой кузины. Но порез кровавым кораллом был почти всегда фатальным. Тот факт, что сама я выжила, воспринимался как чудо не только врачом, но и старейшинами.

Некогда здесь была отмель, но по мере того, как ценность жемчуга продолжала падать, некоторые из селян стали алчными и все здесь обчистили. Сейчас же для нас лучшим решением было океанское дно, находящееся на глубине почти пятидесяти футов. Я оттолкнулась изо всех сил, добираясь до устрицы, с трудом веря своей удаче, когда я заприметила другую устрицу всего в нескольких футах от меня. Я схватила обе и оттолкнулась от морского дна к поверхности. Для погружения на такую глубину мы не утруждали себя использованием камней, чтобы утянуть себя вниз, или лесок, чтобы поднять нас назад, или даже масла для ушей и рта, чтобы защитить свои барабанные перепонки. Но для людей, ныряющих на глубину сотни футов и более, подобные меры предосторожности были обязательны.

Когда я вынырнула на поверхность, я начала искать Зейди, но ее нигде не было видно. Я бросила своих устриц в лодку и готова была снова вдохнуть побольше воздуха в легкие, чтобы отправиться на ее поиски, когда она всплыла рядом со мной.

– Ты нашла что-нибудь? – спросила я, не обращая внимания на то, как мое сердце колотилось в груди. С момента несчастного случая прошло семь лет, но я никогда не переставала волноваться за свою близняшку. Мысль о том, как она будет обходиться без моей помощи в Иларии, была невыносима.

Она вздохнула и бросила в лодку большого моллюска.

– Только этого моллюска. Возможно, мама сможет добыть немного морского шелка из его жабр. Но никаких устриц. А ты?

– Две, недалеко от славного, толстого кровавого коралла. Я возлагаю на них большие надежды.

Она разочарованно хмыкнула.

– Я собираюсь поискать с другой стороны. Не плыви за мной.

– Хорошо, как знаешь. Я попробую снова здесь поискать. Кричи, если я тебе понадоблюсь.

– Почему это ты думаешь, что ты мне понадобишься? – сказала она, брызгая на меня. А затем исчезла.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы замедлить сердцебиение и восстановить дыхание. Пребывание под водой в течение длительного времени требует сосредоточенности и спокойствия. Мы с Зейди знали слишком хорошо: худшее, что вы можете сделать, – это запаниковать.

Я вдохнула побольше воздуха и нырнула, на этот раз немного левее от кровавого коралла, вокруг которого не было ничего, кроме костей. Даже рыба знала, что от него нужно держаться подальше. Я гадала, кого из селян здесь похоронили, завернув их тела в саван и придавив камнями. Был ли среди них тот, кого я знала, или же коралл был здесь задолго до моего рождения?

Я отчетливо помнила коралл, о который порезалась. Он был одним из самых больших, что я когда-либо видела, крас-

ный клубок отростков, вылезающих из грудной клетки, расколотой прямо посередине. В десять лет нас сочли достаточно взрослыми, чтобы отпускать из дома одних, хоть мама всегда и отправляла с нами Сэми. Он оставался в лодке и рыбачил, пока мы с Зейди охотились на устриц среди скал на морском дне.

Мы с Зейди одновременно приметили устрицу. Она была гигантской, с розовым глянцем на раковине, что, возможно, объяснялось ее близостью к такому большому кораллу. Мы знали, что нужно держаться от кровавого коралла подальше – этот урок должен был усвоить каждый варинийский ребенок, прежде чем нам разрешали нырять, – но эта устрица была слишком заманчива.

Мы переглянулись и тотчас же ринулись за ней, представляя себе огромную розовую жемчужину, которая смогла бы кормить нашу семью в течение нескольких месяцев. Поскольку наше внимание было приковано к этой устрице, ни одна из нас не заметила рыболовную сеть, зацепленную за скалы неподалеку. Я первой добралась до устрицы и обернулась, чтобы ухмыльнуться сестре, но в то время Зейди была смелее. Она бросилась прямо на меня, хотя у нас обеих быстро иссякал запас воздуха. Я оттолкнулась от скалы и стартовала к поверхности, когда почувствовала, как ее рука обхватила мою лодыжку и потянула на себя.

Я опустила взгляд на свою сестру, которая ухватилась за рыболовную сеть, как за якорь. Я лягнула ее руку своей сво-

бодной ступней, растерянная и сердитая, но она отказывалась отпускать. С горящими легкими, я нагнулась, чтобы отцепить ее ладонь, и тут поняла, что она не держалась за сеть. Большой крюк зацепился за ее тунику. Она цеплялась за меня, прося помощи.

Ужас, застывший на ее лице, побудил меня к действию. Я вцепилась в сеть и потянула себя вниз, а затем стала разрывать ткань ее туники. Зейди начала паниковать, из-за чего мне самой было невозможно оставаться спокойной. Но я знала, что если не сделаю этого, то у меня закончится воздух и мы обе утонем. Мне удалось дотянуться до ножа для извлечения устриц из раковин, привязанного к моей лодыжке, и разрезать сеть, освобождая Зейди. Спеша спастись, она оттолкнула меня назад. Прямо на кровавый коралл.

Я никогда не чувствовала ничего подобного, даже когда, будучи ребенком, дотрагивалась до горячей ручки кастрюли и моя ладонь после ожога покрывалась волдырями. Боль, когда мое лицо коснулось шероховатой поверхности коралла, буквально ослепила меня. То, что началось с колющего ощущения в щеке, сразу же распространилось по моему лицу, вниз по шее и на грудь. Я ахнула, не задумываясь, вдохнув в легкие морскую воду. Я не помню, что произошло после этого, но Зейди рассказала мне позже, что она отправила Сэми за мной, как только достигла поверхности, зная, что он сможет добраться до меня намного быстрее, чем она.

Я пришла в сознание в лодке после того, как Сэми выка-

чал воду из моей груди. Крик, вырвавшийся из моего горла, был настолько громким, что Сэми чуть не опрокинулся назад. Зейди была рядом со мной, рыдала и извинялась, но я ничего не замечала, кроме пульсирующей боли, распространяющейся от щеки по всему моему телу. К тому времени как мы добрались до дома, я потеряла сознание и не приходила в себя в течение двух дней.

После того несчастного случая, произошедшего много лет назад, жизнь моя разделилась на до и после. Мама держала меня дома несколько недель, пока рана не покрылась корками и не появилась розовая кожа под ней. Она старалась еще больше защищать нас, а Зейди стала сдержанной и осторожной.

Что касается меня, то в тот день я многое потеряла, но кое-что и приобрела. Сначала шрам был источником стыда. Но я начинала понимать, что красота – по крайней мере, в том смысле, в каком ее определяли в моем народе – была скорее бременем, чем даром. Для одного из нас это давало возможность покинуть Варинию, но было ли это свободой в полном смысле слова, если мы не могли выбирать свою судьбу сами?

Я знала, что сказала бы Зейди, если бы кто-нибудь потрудился ее спросить.

Когда воспоминания о несчастном случае поблекли, я схватила устрицу, находящуюся всего в нескольких дюймах от меня, и поднялась на поверхность. И в тот момент я услы-

шала крик.

4

– Нора!

Я повернулась на звук голоса Зейди. Она быстро кружилась, а ее глаза метались в разные стороны.

– Что случилось? – спросила я, уже пробираясь в воде по направлению к ней.

– Это медуза волосы девы! Талос, они повсюду!

– Не двигайся, – отозвалась я. – Оставайся там, где находишься.

Медуза волосы девы была одной из самых опасных в океане, но обычно они поднимались на поверхность только по ночам. И тогда легко было избежать опасной встречи, благодаря мягкому голубому свечению, излучаемому ими, но при свете солнца их тела сливались с водой вокруг них.

– Стой! – завопила Зейди. – Взгляни.

По крайней мере, эта маленькая медуза – волосы девы

была небольшого размера. Колокол был всего пару футов в диаметре, почти полупрозрачный комочек, плывущий на поверхности воды, в нескольких футах от Зейди. Длинные щупальца, такие же тонкие, как волоски, из-за схожести с которыми медуза и получила свое название, обвивали ее. Я и представить не могла, чтобы она всплыла на поверхность, только если бы погибла, но даже мертвая медуза все еще могла быть опасной. Я нырнула под воду, чтобы оценить величину щупалец. Они дрейфовали по течению в стороне от нас обеих.

Я с облегчением вздохнула.

– Плыви назад, – сказала я Зейди. – Все будет хорошо.

Зейди сделала так, как я сказала, и я также поплыла назад, пока мы обе не отплыли подальше от медуз. К тому времени как мы вернулись к лодке, обе были ужасно изможденны.

– Ты в порядке? – спросила я, потянувшись к ее руке.

– Я в порядке. Знаю, что я слишком остро отреагировала. Я просто приблизилась к ним на несколько футов, и это испугало меня. Я думала…

Что у тебя появятся шрамы.

– Ну, хорошо. Я же говорила тебе кричать, если я тебе понадоблюсь, – поддразнила я.

Мы перевалились через борт лодки и плюхнулись на дно, прилив страха медленно покидал нас. Вывихнутой ногой я пнула три собранные мной устрицы.

– Закончим на сегодня?

– Я ничего не нашла.

– Ты нашла моллюска. Мама сможет использовать шелк для перчаток, которые она шьет для тебя.

Плетение из морского шелка было одним из многих ремесел, которыми владела наша мама. Нити шелка, собранные из жабр особого вида моллюсков, в воде были коричневыми, но после особой обработки они становились золотистыми при свете солнца.

– То есть я нашла то, что приносит пользу только мне? Вряд ли это можно назвать ощутимым вкладом в семью.

Сэми предлагал продать в порту что-то из того, что сделала из морского шелка мама, – эти работы в определенных кругах ценились даже выше, чем жемчужины, – но мама отказалась. В отличие от кровавого коралла и жемчуга, которые существовали благодаря Иларии с принцем Лаэфом и всем последовавшим за ними варинийцам, морской шелк был даром моря и, следовательно, мог быть только отдан в дар, а не продан.

Я вручила Зейди меньшую устрицу.

– Держи, теперь она твоя.

Мы спрятали устриц в тени под скамейкой, чтобы они не испортились, но как только мы добрались до дома, я нетерпеливо очистила наибольшую из найденных мной возле кровавого коралла. Мы с Зейди обе ахнули, когда обнаружили внутри раковины ряд из пяти жемчужин, все они были ярко-розовыми.

– Они прекрасны, – сказала Зейди. – Одни из лучших за многие годы. – Она потянулась за раковиной и остановилась. – Должно быть, она находилась очень близко к кровавому кораллу.

Я пожала плечами.

– Я была осторожна.

– Нора. – Она неосознанно коснулась своей щеки.

Я знаю, что она до сих пор чувствует вину за случившееся, хоть я и пыталась в течение нескольких последующих месяцев убедить сестру в том, что в этом не было ее вины.

– Сейчас это не имеет значения, Зейди. Ты стала избранной. Ты… – я оборвала себя на полуслове. Мы обещали не говорить об Иларии. Я с трудом улыбнулась. – Моя красота, или же ее отсутствие, больше не является тем, о чем стоит волноваться, – мне или маме и, конечно же, тебе. Теперь я могу стать настолько безобразной, насколько захочу.

– Джовани может считать иначе, – сказала она, смеясь.

– Да, что ж, тогда я скоро смогу убедиться в этом и в ближайшее время у нас состоится помолвка, не так ли?

Она улыбнулась.

– Мама будет в восторге, если у обеих ее дочерей будет помолвка до их восемнадцатилетия.

Зейди даже не подозревала, насколько она была близка к истине. Но, вероятно, моя судьба еще не была предрешена. Возможно, все еще оставался шанс на то, что мама с отцом поймут меня, если я скажу им о своем нежелании выходить

замуж за Сэми.

Я оставила жемчужины в раковине и бросила мясо устрицы в миску для отца.

– И где, на твой взгляд, наша любящая мама в этот час?

– Перед нашим уходом она сказала мне, что у нее и отца днем дела с губернатором Кристосом.

Я едва не высыпала зерно из мешка, который пыталась поднять изо всех сил.

– Она сказала, что это за дело?

– Нет, но я предположила, что это как-то связано с подготовкой к моей поездке. Посланник из Иларии прибудет сюда через…

– Шесть дней. Я в курсе.

Зейди распустила волосы и начала расчесывать пряди пальцами.

– Сэми сказал, что мой плащ почти готов. Он должен отдать мне его сегодня вечером.

Несколько секунд я изучала ее лицо. Знала ли она? Ждала ли она, что я первой обо всем расскажу?

– Я думала, мы договорились, что сегодня будем только мы.

Она опустила глаза на свои босые ноги. Я была всего на мизинец выше ее, но мои ступни были почти на сустав длиннее. Между нами были и другие небольшие различия, не только шрам, хотя он был первым, что бросалось всем в глаза. Сэми первым отметил, что мои ступни длиннее, когда

нам было по двенадцать лет и нам еще разрешали спать вместе, когда наши родители разговаривали допоздна.

Он вскочил и начал нас сравнивать, по частям, а луна была единственным светом, проливающимся на его наблюдения.

– Глаза Норы у́же, чем у Зейди, – сказал он тогда. – А ноздри Зейди круглее.

Он потер подбородок и проследовал взглядом к нашим грудным клеткам. Мы еще не стали девушками, поэтому здесь он надолго не задержался.

– У Норы более шишковатые коленки, чем у Зейди, – добавил он, и, прежде чем успел понять, что его ударило, одна из моих слишком длинных ступней взлетела и попала прямо ему между ног. Больше он не совершал таких ошибок и с тех пор не упоминал мои колени.

Дело было не только в том, что я не одобряла того, что мой лучший друг меня изучает; мне хватало этого со стороны матери. Но жить в атмосфере постоянного сравнения со своей сестрой-близнецом всегда было тяжело. Иногда, когда мы были маленькими, другие дети нашептывали мне с заговорщической усмешкой, что я более симпатичная из близняшек. То же самое происходило и с Зейди. И, признаюсь, в тот момент невозможно было не чувствовать едва уловимый трепет от гордости – красота всегда была у нас на уме, даже тогда – я всегда ощущала связь с Зейди. Ведь если бы красивее была я, это значило бы, что она некрасивее, а комплимент за счет своей сестры и вовсе не мог для меня считать-

ся комплиментом. Собственно говоря, я не желала слышать о своей красоте относительно красоты Зейди или кого-либо другого. Я хотела, чтобы замечали именно *меня*.

– Хорошо, – наконец сказала я. – Сэми – часть нашей семьи. Конечно, он может зайти к нам этим вечером.

Ее щеки вспыхнули, когда она подняла на меня глаза.

– Ты заметила, что он подрос за последнее время? Раньше он был всего чуть-чуть выше нас. А теперь мне приходится вытягивать шею, чтобы посмотреть на него.

Я растолкла зерно в ступке деревянным пестом. Муку грубого помола мы используем для выпечки хлеба в нашей глиняной печи. Хлеб всегда получался тяжелым и безвкусным, но с его помощью мы могли заполнить желудки, когда макали его в рагу, особенно сейчас, когда рыбы стало меньше.

– Да, полагаю, он подрос. Как и все мы.

– И его голос. Я знаю, что он был какое-то время ниже, а сейчас…

– Не делай этого, – слова слетели из моих уст прежде, чем я успела бы их вернуть.

– Не делать чего?

Я закусила губу, пытаясь собраться с мыслями. Возможно, это было эгоистично, но я не хотела быть той, кто расскажет ей о моем скором замужестве.

– Не позволяй себе так о нем думать. Через шесть дней тебе придется уехать. Это только усложнит тебе жизнь.

Она уверенно встала передо мной, заставляя меня по-

смотреть на нее.

– Куда *еще* усложнять, – прошипела она. – Я люблю Сэми, но должна оставить его и выйти замуж за другого молодого человека, которого никогда прежде не видела, в то время как он женится на Элис или одной из других сельских девушек, и от этого мне хочется *умереть*!

Я уставилась на нее, затаив дыхание, моя милая сестренка, которая никогда не произносила грубых слов в отношении кого-либо.

– Зейди.

– Не говори мне, что делать, или думать, или чувствовать, – выдавила она, а глаза наполнились слезами. – Ты останешься с мамой и отцом и выйдешь за того, кого сама выберешь. Ты понятия не имеешь, через что я прохожу.

Она отвернулась от меня, но я была быстрее. Я поймала ее тоненькое запястье своей рукой. У нас было одинаковое телосложение, но меня всегда поражала ее миниатюрность. Буду ли я чувствовать себя такой же хрупкой в руках своего будущего мужа, будь то Сэми или кто-то другой?

– Ты думаешь, что для меня это легко? – спросила я. – Ты думаешь, что я хочу остаться здесь, когда ты вырвешься отсюда и увидишь мир? Я не *желаю* здесь оставаться. И разумеется, я не хочу жить здесь без тебя. Я бы все отдала ради твоей возможности остаться и выйти замуж за Сэми. Если бы я могла поменяться с тобой местами, то не задумываясь сделала бы это. Но они выбрали не меня, Зейди.

«Я идеальная морская ракушка, которую ты поднимаешь с океанского дна, просто чтобы перевернуть ее в своей руке и увидеть трещину. Я ткань с прорехой на шве, которую ты возвращаешь торговцу и требуешь лучшего качества. Все в Варинии знают: я – это ты, только испорченная. Поэтому не говори мне, что я не понимаю, через что ты проходишь».

Кровь застучала в висках так сильно, что мне пришлось присесть. Я бы никогда не смогла сказать ничего из этого своей сестре. Это были старые комплексы, идеи, унаследованные от матери, и нужны многие годы на их преодоление. А Зейди тем более ничего не могла поделать в этой ситуации. Я жаждала рассказать ей о Сэми, что меня вынуждают вступить в брак точно так же, как и ее. Но я понимала, что она посмотрит на это иначе. Это просто станет еще одной причиной для ревности, а сейчас я совсем не хотела ссориться со своей сестрой.

Я схватила ее в объятья, крепко прижимая к себе. Мгновение она сопротивлялась, но в итоге ее тело обмякло и она заплакала, уткнувшись мне в плечо, пока мы не услышали скрип столбов под нашим домом и глубокий приглушенный голос отца, смешавшийся с высокой трелью маминого голоса. Мы по очереди разгладили волосы друг друга и вытерли слезы со своих щек.

У немногих в Варинии было зеркало, но нам оно никогда и не было нужно.

– Ну? – спросил отец, поднимаясь через люк в полу. –

Улыбнулась сегодня удача?

– Вы просто взгляните, что нашла Зейди, – сказала я, указывая на устрицу с пятью жемчужинами. Две другие уступали остальным трем по размеру, но их цвет был гораздо насыщеннее.

Темные брови отца поползли вверх.

– Зейди их нашла?

– Конечно, она нашла, – сказала мама, подойдя к нам сзади и положив руку на плечо Зейди. Настроение у нее было отличное. – Она наша жемчужина удачи.

Я почувствовала на себе взгляд Зейди, но не повернула головы.

– Мы используем их в качестве приданого Норы, – добавила мама.

Ах да, приданое. Мама говорила об этом в течение нескольких лет, поскольку вскоре после несчастного случая стало ясно, что она никогда не сможет выдать меня замуж без приличного приданого.

– Каллиопа, – мягко пожурил ее отец.

Она проигнорировала его и вынула жемчуг из раковин.

– Совершенно потрясающе. Где ты нашла эту устрицу?

– Возле рифа, – ответила Зейди.

– Они, должно быть, находились близко к кровавому кораллу, чтобы быть такой яркой окраски. Ты ведь и близко не подплывала к ним, Зейди?

– Нет, мама. Мы всегда осторожны.

– Хорошо. А теперь бегите искупайтесь. Сегодня мы ужинаем с губернатором и его семьей.

– Почему? – спросила я. Для них не было ничего необычного в посещении нашего дома, но мы никогда не ходили к губернатору на ужин. Эта привилегия распространялась только на членов семьи.

Семьи. Членом которой я скоро стану.

– Ох, – выдохнула я.

– Что? – спросила Зейди, переводя взгляд с меня на маму. – Что-то случилось?

– Губернатор Кристос должен сделать объявление, – сказал отец. – Наденьте наряды, в которых вы были на церемонии.

Я попыталась встретиться с мамой взглядом, молча умоляя, чтобы этого не случилось сейчас, но она проигнорировала меня и пошла в свою комнату, напевая, когда занавеска опускалась за ней. Зейди приподняла бровь, глядя на меня, прежде чем выйти на солнечную сторону балкона, где в ведре согревалась чистая вода для купания.

– Папа, – сказала я вполголоса. – Мы не можем сейчас так поступить с Зейди. Это уничтожит ее.

Он взглянул на меня.

– Ты знаешь?

– Сэмиэль рассказал мне после церемонии.

– У Зейди есть право узнать обо всем, прежде чем она уедет. – Он поднес миску с устрицами ко рту и проглотил все

три за раз. – К тому же она должна радоваться, что ее сестра собирается стать будущей женой губернатора. Это великая честь для всей семьи.

Я положила ладонь на его плечо.

– Отец, она его любит.

На мгновение он прикрыл глаза.

– Я знаю, Нора.

– Тогда давайте повременим с объявлением. Осталось всего шесть дней. Ничего страшного, если мы подождем.

– Ваша мама не желает ждать, – сказал он тихо.

Так это была ее идея. Зейди дала ей все, чего она желала. Тогда почему теперь она ее наказывает? Пытается ли она вбить своего рода клин между нами? Я бы не удивилась, если бы наша мама старалась разделить нас, возможно, даже веря, что она делает нам своего рода одолжение, отрывая полностью жизнь Зейди от Варинии, отнимая у нее все причины остаться, но даже не спрашивая других, как они к этому относятся.

Сэми. Возможно, если бы я поговорила с ним, он мог бы убедить своих родителей повременить. Я не могла и представить себе, что он хотел бы этого больше, чем я. Он любит Зейди. Последнее, что он хотел бы сделать, – это видеть, как она страдает.

Я уже почти спустилась через люк, когда мама высунула голову из-за занавески в спальне.

– Куда это ты собираешься? – спросила она. – Скоро будем

ужинать.

– Мне нужно кое-что сделать. Я вернусь через несколько минут.

– Хорошо, если так. Лодка нам скоро понадобится.

Общественные здания были связаны с домом губернатора с помощью деревянных причалов, но многие дома, как наш, были отделены ради уединения, что не так часто встречалось в Варинии.

– Я поплаваю.

Я завязала свои юбки между ног и с плеском прыгнула в воду. Солнце только начало садиться, отбрасывая оранжевое сияние на воду. Сегодня нам с Зейди не увидеть вместе, как оно зайдет, но то, что я задумала, было важнее.

Терраса губернатора была освещена подвесными фонарями, которые помогали с легкостью найти ее в сумеречной мгле. Я забралась вверх по лестнице и отжала свои юбки и волосы, прежде чем тихонько постучать в дверь. При обычных обстоятельствах я бы не появилась в доме губернатора в таком виде, но я знала, что если буду слишком долго размышлять о своей внешности, то растеряю всю решимость.

Дверь отворилась, являя растерянное лицо Сэми.

– Нора…

– Нам нужно поговорить, – сказала я, проходя мимо него в дом. Я была внутри дома всего несколько раз, и его габариты, по крайней мере, по сравнению с нашим домом, никогда не переставали меня изумлять. Он должен быть будущим

домом Зейди, а не моим. – Это насчет Зейди.

Он притянул мою руку.

– Сейчас не самое подходящее время.

– А по-твоему, за ужином будет самое время? Попроси своего отца подождать, пока она не уедет.

– Он не просто мой отец, Нора. Он губернатор.

Я вырвала руку из его руки.

– Тогда я сама его об этом попрошу.

– Они уже здесь? – отозвалась мама Сэми, Элиди, из кухни.

Их дом был единственным, в котором многочисленные комнаты отделялись капитальными стенами, а не занавесками. Даже у Сэми была собственная комната, хотя для меня было загадкой, зачем семнадцатилетнему парню нужна личная комната.

Элиди и губернатор Кристос появились вместе, пару секунд они глядели на меня, изумленные моим присутствием. Или, возможно, их смутила моя одежда. Я одернула намокшие юбки, которые прилипли к моим ногам, и вдруг пожалела, что не взяла лодку. Но их пристальный взгляд переместился к двери за моей спиной.

Позади меня кто-то откашлялся.

Я обернулась и обнаружила незнакомца, стоящего в дверном проеме.

– О боги, – прошептала я.

Это был молодой человек, максимум на пару лет старше

меня, и когда его взгляд скользнул по моему телу, я еще куда мучительнее осознала, насколько промокла моя одежда. Наши взгляды встретились в один унизительный момент, прежде чем я опустила свои глаза на медленно формирующуюся у меня под ногами лужу.

– Нора, что ты делаешь? – Элиди поспешила вперед, уводя меня обратно через парадную дверь, мимо незнакомца. – Где твоя семья?

– Они готовятся к ужину. Я просто пришла поговорить с Сэми.

– У нас гость.

Как будто я не заметила.

– Кто он?

– Мой муж все объяснит. Возвращайся домой и приведи себя в порядок. И прошу, когда будешь возвращаться, приезжай на лодке.

Я кивнула и спустилась обратно по веревочной лестнице, жалея, что даже в виде исключения не прислушалась к словам мамы. Пока я плыла, возвращаясь в наш дом, я пыталась разобраться, кем же мог быть тот молодой человек. Судя по его странному наряду и еще более странному поведению Сэми и его семьи, для меня стало очевидным, что он не жил в нашей деревне, и я точно знала, что ни один мужчина в Варинии никогда не смотрел на меня так, как он. У меня было всего мгновение, чтобы оценить его внешность, но я вспыхнула при воспоминании о его взгляде, задержавшемся

на тех местах, на которых взгляд Сэми никогда не задерживался.

– Где тебя носило? – спросила Зейди, когда я вынырнула из люка.

– Нигде.

– Тебе бы лучше поскорее переодеться. Мама почти собралась.

Мама укладывала перед зеркалом волосы, при этом напевая себе под нос. Знала ли она тоже о госте? То есть все дело было в нем? Я быстро ополоснулась чистой водой и залезла в свой красный наряд, пока Зейди пыталась уложить мои волосы. Ее косы, как обычно, были идеально заплетены, а кожа сияла на фоне нежно-розового платья. Рядом с ней я чувствовала себя слишком яркой, и мне стало интересно, не нарочно ли мама спланировала все подобным образом.

– Идемте, девочки, – сказал отец, помогая всем нам спуститься в лодку.

Я неуклюже повалилась на скамейку, а руки скрестила на груди. Мне следовало бы спрятать весла, чтобы плыть по течению и отсрочить неизбежное. Как бы там ни было, крепкие руки отца доставили нас к дому губернатора слишком быстро. Я вызвалась пришвартовать лодку, стараясь провозиться с веревкой как можно дольше. Возможно, я вполне могла бы ускользнуть и пропустить этот ужин…

– Поторопись, Нора, – отозвалась мама, как будто могла прочесть мои горькие мысли.

Я нахмурилась и поднялась по лестнице. Отец и губернатор Кристос обменялись рукопожатиями, пока Элиди провожала нас с мамой и Зейди в общую гостиную. На большом деревянном столе – настоящем, изготовленном не из коряг, как наш – стояло более полудюжины блюд: блестящие пирамидки из свежего винограда; кубики дыни и нарезанные финики; нежнейшая белая рыба, пассерованная в бульоне; пиалы с черными, зелеными и фиолетовыми оливками. Еды было столько, сколько я не видела за всю свою жизнь, и бóльшая ее часть была с суши. Должно быть, губернатор потратил целое состояние на этот ужин.

Я наблюдала, как губернатор Кристос ласково похлопал отца по спине, в то время как мама с Элиди обнялись.

– После всех этих лет мы станем братьями, Пакс, – сказал Кристос своим низким, раскатистым голосом, тем самым, который, казалось, был создан для произнесения речей.

Я почувствовала, как рядом со мной напряглась Зейди.

– О чем это он говорит? – прошептала она.

Меня поймали, как рыбу в сети, стены сжимались вокруг меня, куда бы я ни повернула. Но прежде чем я успела ответить, незнакомец появился снова, и все вокруг меня поклонились или сделали реверанс, как будто они все знали секрет, в который меня не посвятили.

– Кто это? – прошипела я Зейди, когда неуклюже поклонилась рядом с ней.

За нее ответил губернатор.

– Мои дорогие друзья, этот джентльмен – наш уважаемый гость вечера, посланник Иларии, присланный самим королем.

Молодой человек шагнул к Зейди и снова поклонился, и теперь я узнала иларийский герб, вышитый на его черном камзоле: профиль молодой женщины внутри сердца с двумя кинжалами, скрещенными за ним. Он взял руку Зейди и поцеловал.

– Меня зовут Талин, – сказал он. – А ты, должно быть, Зейди.

– Да, милорд. – Я услышала легкую дрожь в ее голосе. – А это моя сестра, Н…

– Нора, – сказал он, прежде чем она успела договорить. Он взглянул на меня глазами цвета морского стекла и ухмыльнулся. – Полагаю, мы уже встречались.

5

Кроме смутившего меня взгляда незнакомца, я встретила еще один – прожигающий меня насквозь взгляд мамы. *Что ты сделала?* – безмолвно потребовала ответа она. Но времени для объяснения не было. Губернатор жестом попросил нас всех сесть, и мое место оказалось между Сэми и Зейди, прямо напротив Талина. В моей голове гудел миллион мыслей. Всегда ли иларийцы отправляют посланника после церемонии? Для того ли он приехал сюда, чтобы убедиться, что Зейди действительно самая прекрасная девушка в Варинии? И кстати, кем на самом деле он был для короля?

Я украдкой бросала на него взгляды, настолько незаметно, насколько могла, хотя я должна была бы кротко держать взор опущенным, как Зейди. Он был высоким, его загорелая кожа была такого же оттенка, как и моя. Его каштановые волосы были пронизаны золотистыми прядями, которые мама

терпеть не могла, но сомневаюсь, что даже она смогла найти изъяны в его классически правильных чертах лица и атлетическом телосложении. Его глаза были поразительного сине-зеленого цвета, и, когда им следовало бы быть прикованными к губернатору Кристосу, сидящему слева от него, или отцу, сидящему справа, или, по крайней мере, на Зейди, не раз я замечала, как они изучали *меня*.

Мама и Элиди сидели в молчании на протяжении почти всей трапезы, позволив мужчинам разговаривать между основными блюдами. Еда была свежей и вкусной, но я была слишком встревожена, чтобы есть. Мама ведь не собиралась объявить о помолвке сейчас, так ведь?

– Иларийцы всегда отправляют кого-нибудь для одобрения выбора старейшин? – спросил отец.

Я слишком нетерпеливо подалась вперед, и Зейди предостерегающе положила палец мне на бедро.

Талин отложил вилку и повернулся к моему отцу.

– Я так не думаю, хотя совершенно очевидно, что я впервые переживаю подобный опыт. Я представляю, насколько это, должно быть, необычно для всех вас, впервые увидеть иларийца вживую.

– Уверена, что не более странно, чем для вас, – сказала мама, а ее губы изогнулись в радушной улыбке. Сейчас она находилась ближе, чем когда-либо, к королевскому дворцу, и она всецело была довольна собой. – И что вы думаете по поводу нашей милой Зейди? Мудрый ли выбор сделали ста-

рейшины?

Она просто не могла упустить шанс похвастаться. Талин улыбнулся, но его улыбка не коснулась глаз. Что-то мне подсказывало, что он видел мою маму насквозь, и мне он за это нравился.

– Она самая красивая девушка Варинии, какую я когда-либо видел, – ответил он.

Мама просияла, пока до нее не начал доходить смысл его слов. Ведь он видел только Зейди и меня. Вопреки, казалось бы, косвенному пренебрежению по отношению ко мне я чуть не рассмеялась, когда ее улыбка потускнела.

– Принц Сирен – счастливец, – добавил Талин, и я ощутила, как напрягся возле меня Сэми. – Я и представить не могу кого-то более очаровательного.

Но, произнеся это, его взгляд переместился с Зейди на меня. Я посмотрела в сторону, мой шрам обожгло, поскольку кровь прилила к моему лицу, но разговор возобновился, будто больше никто этого не заметил.

– Вы очень хорошо питаетесь, – сказал Талин. – Эта еда восхитительна.

Я бросила на Сэми острый взгляд, желая, чтобы он молчал, но даже если бы он увидел мой взгляд, то этого было бы недостаточно, чтобы его остановить.

– Это очень торжественное событие, милорд. Уверяю вас, что мы не питаемся так каждый день. И тем более обычные селяне.

Отец Сэми смерил его таким взглядом, которому удалось сделать то, что моему было не по силам. Несмотря на напускную браваду Сэми, я не могла себе представить, чтобы он когда-либо противостоял своему отцу.

Талин откашлялся, чтобы сбросить напряжение.

– Какова численность населения Варинии? – спросил он.

– Приблизительно пятьсот человек, – ответил отец. Он помогал губернатору Кристосу отслеживать нашу численность. – В определенный момент нас было почти шестьсот, но за последние несколько поколений численность нашего населения сократилась.

Талин нахмурил брови.

– Почему так?

Отец взглянул на Кристоса, как сделал Сэми. Они оба знали правду: в семьях рождается меньше детей, потому что родители просто не смогут их прокормить.

Губернатор обнажил свои зубы в улыбке, больше походящей на гримасу.

– Наш гость не желает выслушивать подобного рода вещи сегодня. Мы собрались здесь, чтобы праздновать. – Он потянулся к кувшину с вином и наполнил бокалы, включая мой и Зейди, а затем поднял свой и жестом попросил остальных сделать то же самое. – Не только то, что Зейди вскоре составит вам компанию в поездке в Иларию, у наших семей есть и другое основание для радости.

Поднятый мной бокал опасно наклонился, поскольку я

осознала, что происходит.

Кристос повернулся к нам с Сэми.

– За Нору и Сэмиэля. Ваш грядущий союз наполнит мое сердце радостью. И теперь две наши семьи объединятся в одну, о чем я всегда мечтал. Талос благословил нас всех. – Он поднес бокал к губам и выпил, как и мама, отец, Элиди и Сэми. А Зейди повернулась, чтобы посмотреть на меня, и под ее взглядом меня будто парализовало.

Сэми мягко толкнул меня локтем.

– Пей.

– Я…

Я ахнула, когда глаза Зейди закатились, и она свалилась на мешок с зерном. Все остальные бросились ей на помощь, а я все еще не двигалась, застыв в шоке, пока Сэми не взял меня за руку.

Его прикосновение заставило меня отдернуть руку.

– Не сейчас, – прошептала я.

Отец уложил Зейди на спину, она моргала, глядя в потолок, а ее лицо побледнело.

– Она в порядке? – беспомощно осматриваясь, спросила Элиди. – Она ведь не расстроилась, так ведь?

– Просто дыши, – говорил отец Зейди, которая ловила ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. – Все будет хорошо.

Элиди повернулась к маме.

– Разве она не рада за свою сестру?

Но мама не ответила, продолжая тщетно обмахивать лицо Зейди бумажным веером.

Губернатор схватил сына за руку и рывком поднял его на ноги.

– Да что с ней такое?

– С ней ничего не случилось. Она просто удивлена, – сказал Сэми.

– Между вами двоими что-то происходило? – прошипел губернатор.

– Конечно, нет, – одновременно крикнули Сэми и мама.

Я посмотрела на Талина, о котором все остальные на время забыли. Он поднялся на ноги и молча стоял, наблюдая за нами. Когда наши с ним взгляды встретились, он поднял бровь, как бы спрашивая: *Что ты обо всем этом думаешь?*

Я гадала, сколько он успел подслушать из нашего с Сэми разговора. Мне казалось, что выражение его лица говорит: *Все*.

– Я в порядке, – произнесла Зейди, заставляя себя сесть. – Сегодня я провела слишком много времени на солнце и недостаточно пила. Может кто-нибудь подать мне немного воды, пожалуйста?

Элиди бросилась на кухню за стаканом воды, которую расплескала, спеша вернуться к Зейди.

– Вот, держи. Сегодня было ужасно жарко, не так ли, Каллиопа?

Моя мама пробормотала что-то себе под нос и растолкала

всех с дороги, чтобы помочь Зейди подняться на ноги.

– Ты ведь в порядке, Зейди?

Она кивнула, потупив глаза в пол. По сжатой челюсти я могла сделать вывод, что она тщетно пытается сдержать слезы.

Когда все вернулись за стол, Талин снова поднял свой бокал.

– За Нору и Сэмиэля, – сказал он.

На этот раз я выпила, поморщившись, когда жидкость коснулась моего языка. Напиток был намного крепче, чем разбавленное вино с празднования после церемонии. Талин наблюдал за мной поверх ободка своего бокала, его глаза восторженно мерцали. Сидевшая рядом со мной Зейди поднесла к губам бокал и опустила его, не отхлебнув, не моргнув и не улыбаясь. Я хотела сказать ей, что в этом нет ни моей вины, ни Сэми, что никто из нас этого не хотел, но я не могла сделать этого здесь.

Наконец, когда все тарелки опустели, взрослые, извинившись, вышли поговорить на балкон.

Талин помедлил. Он еще не был таким взрослым мужчиной, какими были отец и губернатор, но он и не был мальчиком, как Сэми. Я уже была готова отвести в сторону Зейди, чтобы поговорить, когда он остановился прямо передо мной. Я сглотнула и подняла взгляд, примечая его влажные завитки на шее и висках. Должно быть, он плавился внутри под этой тяжелой тканью. И поделом ему за то, что ухмылялся

мне.

– Поздравляю с помолвкой, – сказал он низким голосом. В его акценте не было той резкости, которая была в акценте того иларийского мужчины, которого мы встретили на плавучем рынке.

Выражение благодарности ему за эти слова слишком смахивало бы на то, что я была добровольным участником помолвки, поэтому вместо этого я просто склонила голову. Он настолько близко стоял ко мне, что каемка моего наряда почти касалась его черных туфель. На контрасте со столь темным цветом красный вдруг перестал мне казаться таким кричащим.

– Как вам пребывание в Варинии? – спросила я, мой голос звучал, как мне показалось, тонким и детским. Какой же, должно быть, наивной я кажусь такому человеку, как Талин.

– Я пробыл здесь совсем недолго, – ответил он. – Всего несколько часов. Но радушие и энергия этого места подобны небольшому затишью посреди шторма.

Я снова подняла взгляд, изумившись подобранным им словам.

Должно быть, он прочел смятение на моем лице, потому что он снова открыл рот, чтобы заговорить, прежде чем я успела ответить.

– Талин, прошу, присоединяйтесь к нам, – позвала его Элиди из дверного проема.

Он закрыл рот и поклонился мне.

– Прошу меня извинить, миледи.

Талин последовал за Элиди к двери, но остановился у порога, оглянувшись на меня и мягко улыбнувшись. Я отвернулась, покраснев.

Сидящая за столом Зейди выглядела совсем маленькой и одинокой. Мне стало стыдно, что я разговаривала с Талином, хотя должна была быть со своей сестрой, и я бросилась в ее сторону, но она будто бы отказывалась меня узнавать.

– Сестра, пожалуйста, посмотри на меня.

– Вы знали об этом и ничего мне не рассказали, – сказала она срывающимся голосом.

– Мы только недавно узнали и надеялись поговорить с ними об этом. Но мы и понятия не имели, что они собираются объявить помолвку уже сегодняшним вечером.

Она подняла бровь.

– Мы? Вы теперь «мы»?

Я бросила взгляд на Сэми, молчаливо стоящего по другую сторону от Зейди. Он пытался взять мою сестру за руку, но та убрала ее обратно на колени, даже не глядя в его сторону.

– Этот выбор делали не мы, Зейди, – сказал Сэми. – Ты знаешь, что, если бы я мог, я бы женился на тебе. Но ты уезжаешь.

– Ты так говоришь, будто я хочу этого, – сказала она, наконец посмотрев ему в глаза. – Скажи своему отцу, что ты любишь меня и что хочешь на мне жениться. Он не обязан отправлять меня в Иларию. Он может отправить Элис. Или

Нору.

Я вздрогнула от ее тона.

– Это решение принимал не губернатор. Кроме того, уже и посланник тебя видел. Старейшины не могут просто так заявить, что они изменили свое решение.

Ее слезы наконец брызнули из глаз и потекли по щекам.

– Почему нет?

– Ты самая прекрасная девушка из когда-либо живших в Варинии, – сказал Сэми. – Они просто не могли выбрать кого-то другого.

– И все же я тебе не нужна.

Он провел пальцем по щеке Зейди, ловя ее слезы. Я отвернулась, не желая быть свидетельницей настолько интимного жеста.

– Я никогда не хотел чего-то больше, чем жениться на тебе. Мы все попали в ловушку планов бога, как рыба в течение.

Она ухватилась за его тунику.

– Тогда плыви против него. Измени план. Не позволяй им забрать меня у тебя.

Он прижал Зейди к груди и положил подбородок ей на макушку, и она зарыдала, прижавшись к нему, я никогда прежде не видела ее такой опустошенной.

Во мне нарастали злость и отчаяние. Это не могло быть божественным планом для нас. Все это так неправильно.

Я вышла через заднюю дверь дома и остановилась на ал-

лее, где меня внезапно ударил порыв горячего ветра. Красная ткань моего платья взметалась вокруг моего тела, а косы ударяли по лицу. Я облокотилась руками о балюстраду, когда-то принадлежавшую иларийскому кораблю, и наклонилась навстречу ветру, взывая молитвами к Талосу. Но если он меня и услышал, то ему нечего было мне ответить.

Позже, после того, как мы попрощались с губернатором и его семьей и вернулись домой, Зейди опустилась на нашу кровать и отвернулась от меня, прежде чем я успела вымолвить хоть слово. Я увидела, как ранее она взяла Сэми за руку, когда взрослые не видели. Она уже простила его, но все еще не простила меня. Мне оставалось провести с ней всего пять дней, и я гадала, сколько из них я упущу из-за ее гнева. Моя ладонь зависла в воздухе над ее плечом, но она только дальше отодвинулась от меня, поэтому я ретировалась на свою половину кровати, чувствуя, как в темноте разгорается моя собственная злость.

Ничего из этого не было моим выбором. Она должна была это понять. Она знала, что я не люблю Сэми, что если бы я могла, то поменялась с ней местами. Возможно, ей просто нужно было кого-то обвинить – но я бы хотела, чтобы мне не пришлось быть этим кем-то.

Той ночью мой сон был лихорадочным, временами было слишком жарко, а иногда – слишком холодно, я металась, то сбрасывая одеяло, то укрываясь им вновь. Когда я просну-

лась утром, оцепеневшая и изможденная, половина кровати Зейди уже пустовала. Я вышла на балкон, ожидая найти там свою сестру-близнеца, но ее и там не оказалось.

Море сегодня было спокойное, темно-серо-синее, оно исчезало за горизонтом, где ленивое солнце медленно поднималось из воды. Я всегда любила наблюдать за восходами и закатами, меня восхищала первозданная красота природы. Но сейчас мой живот снова скрутило, как это слишком часто стало случаться за последнее время. Мысль о том, что я проведу еще сто лет с этим ощущением, сводила с ума.

Я уже собиралась встать и зайти в дом, когда услышала шум из-под дома. Я подкралась к краю балкона и посмотрела вниз.

В лодке сидели и шептались Сэми с Зейди.

Я открыла рот, чтобы позвать сестру, имя Зейди повисло на кончике моего языка, когда Сэми подался вперед. Следующим, что я помню, был их поцелуй.

На мгновение я просто таращилась на них двоих. Я уже видела раньше целующихся людей – в основном своих родителей, иногда других молодых людей на празднике или в лодке, когда они думали, что их никто не видит. Но сейчас это была моя близняшка и Сэми. И это не было просто коротким поцелуем. Они *до сих пор* целовались.

Я вернулась назад и сделала вид, что и дальше наблюдаю за восходом солнца. Если Зейди и Сэми хотели целоваться, какое мне было до этого дело? Я не любила Сэми так, как

она. Я не хотела его целовать.

Но, опять же, действительно ли я хотела, чтобы моя сестра целовала моего будущего мужа? Я нахмурилась и поковыряла щепку в деревяшке. Мама бы ужаснулась, если бы узнала. Не то чтобы я когда-нибудь об этом рассказала, но факт остается фактом. Как бы сильно я ни хотела, чтобы моя сестра осталась в Варинии, маленькая часть меня была признательна, что до ее отъезда осталось всего несколько дней. Больше так не могло продолжаться.

Должно быть, Зейди вернулась и вошла через дверь, поскольку через несколько минут я услышала, как она прошлепала по балкону позади меня. Одеяло накрыло мои плечи, когда она присела рядом со мной, положив свою голову в изгиб моей шеи, который будто был создан для нее. От сестры исходил аромат древесного дыма и морской соли, а еще это был аромат именно Зейди. Когда наши длинные ноги вместе свисали с края, отбрасывая тени на водную гладь, я отогнала мысль о том, что однажды Сэми тоже, возможно, будет сравнивать наши запахи.

Мама и отец еще спали и, скорее всего, проснутся не скоро, судя по тому, сколько вина они выпили прошлым вечером. Даже моя собственная голова была до сих пор затуманена из-за тех нескольких глотков, что я с трудом смогла вчера выпить.

– Нора.

– Ммм?

Зейди подняла голову с моего плеча, и неожиданно отсутствие ее тепла оказалось намного более ощутимой потерей для меня, чем предполагалось.

– Прости за прошлую ночь.

– Тебе не за что извиняться.

– Есть за что. Я думала только о себе, когда ты просила об этом не больше, чем я. И раз уж Сэми и должен жениться на ком-то другом, то я рада, что это будешь ты.

Я облегченно выдохнула.

– Зейди.

– Да?

– Мне тоже жаль.

– Знаю.

Мы одновременно потянулись друг к другу, взявшись за руки, и я ощутила теплую слезинку, скатившуюся из-под моих закрытых век. Как я смогу встречать здесь все эти рассветы и закаты без нее? Часть меня желала, чтобы мы могли сесть в лодку и уплыть на север, в сторону Галета. Мы смогли бы начать вместе жизнь с чистого листа там, где никто нас не знает, где наши черты лица стали бы в полной мере только нашими. Но я знаю, что моя сестра никогда бы не сбежала от своего долга, и я не могла просить ее об этом.

Позже, в тот же день, когда мы встретились с Сэми, я с трудом могла на него смотреть. Я всегда любила его той любовью, которой, по моим представлениям, я могла бы любить

брата, если бы он у меня был. Мама с отцом никогда не поднимали эту тему, но я подозревала, что она больше не могла иметь детей после нашего рождения. И это было к лучшему. Не могу себе представить, какой бы она стала, будь у нее больше дочерей.

Наблюдая за тем, как взгляд Сэми постоянно обращается к Зейди, а уголки его губ приподнимаются в блаженной ухмылке, я думала об их поцелуе и о том, что он значил. Я и раньше видела, как на Зейди подобным образом смотрели парни, и я частенько задумывалась, каково это – чувствовать себя объектом такого внимания.

До прошлой ночи. Теперь мне удалось расшифровать выражение лица Талина – не усмешка, как я полагала, а нечто сродни восхищению – и я понятия не имела, что мне с этим делать.

Я представила свой внешний вид, когда он впервые меня увидел, тогда моя мокрая туника и юбки плотно облегали все изгибы моего тела. Я уже не была ребенком, и мне следовало быть мудрее и не приходить в губернаторский дом в таком виде. Неужели из-за этого он сделал какие-то выводы о моей нескромности? Я так сильно покраснела при этой мысли, что Зейди спросила меня, все ли в порядке.

Может быть, именно поэтому он не смотрел на мой шрам; он был слишком отвлечен остальной частью меня. Но он не смотрел на него и позже, когда я была одета должным образом. Его взгляд ни разу не зацепился за него, по крайней

мере, я этого не заметила. Возможно, шрамы просто не так осуждались в Иларии, как в Варинии. И все же, когда в комнате была Зейди, я не могла понять, почему его внимание постоянно переключалось на меня.

Могло ли быть так, что, вопреки всему, мамины тренировки сработали и на мне? Она всегда учила нас обеих быть женственными, со слабой улыбкой на губах отводить взгляды вниз и в сторону, когда кто-то хвалил нас. Наша одежда шилась на заказ по фигуре и облегала тело ровно настолько, чтобы это не выглядело вульгарно.

То, что вы не родились принцессами, не значит, что вы не можете вести себя как они, любила говорить она. *Ведите себя как королевская особа, и именно так с вами будут обращаться.*

При всех ее пороках, я должна была отдать маме должное. К нам *всегда* хорошо относились другие жители деревни и, конечно, семья губернатора. Отчасти это произошло из-за дружеских отношений отца с Кристосом, которые начались, когда они еще сами были детьми, но это было нечто большее. Мама представила нас миру как нечто столь же редкое и прекрасное, как морские цветы, и такими нас и видели.

Я оглянулась на Сэми и Зейди. Он ухмылялся, как дурачок, наблюдая, как она готовит нам ужин, его глаза ловили каждое ее движение. Я видела, как отец рисковал жизнью, разыскивая на затонувших кораблях безделушки для матери, просто чтобы посмотреть, как она прихорашивается и

любуется собой перед зеркалом.

Мне хотелось верить, что я обладаю достоинствами более ценными, чем моя красота. Я помогала кормить нашу семью; я готовила и чинила рыболовные сети; я ловко торговала на рынке. Но именно Зейди принесла выкуп за невесту, который будет кормить и одевать нашу семью в течение многих лет, и все благодаря ее красоте.

Красота – это сила, говорила нам мама снова и снова, пока слова не стали такой же безусловной истиной, как *небо голубое* и *вода мокрая*. Я не *хотела* верить, что ценность женщины полностью определяется ее внешностью. Но в моей голове звучал тихий, ворчливый голос, который спрашивал: *А что, если мама права?*

6

В последующие дни у меня совсем не было времени, чтобы думать о Талине, который пропал так же незаметно, как и появился. Мне приходилось выполнять дополнительную работу по дому, чтобы Зейди могла позировать художнику. Он писал ее портрет, чтобы отправить в Иларию прежде, чем туда прибудет сама Зейди. Я представила, как он висит среди портретов всех остальных варинийских девушек, которых избирали. Хотели ли они уехать или же у них тоже были причины остаться?

По вечерам Зейди перебирала кое-что из вещей в сундуке, который отец сделал для нее. Дворец стоял у подножия горного хребта, и погода там была намного холоднее, но мама настояла, чтобы она взяла с собой наши красивейшие наряды (включая как розовое платье Зейди, так и мое красное), в дополнение к ее черепаховому гребню и нити белого жем-

чуга, подаренной отцом маме в день их свадьбы. В сундуке также был и обещанный Сэми дорожный плащ, который он подарил ей вчера. Он был сшит из плисового зеленого бархата без изысков, за исключением медной пуговицы, застегивающейся на воротнике.

– Я никогда не трогала ничего мягче, – сказала я, осторожно его поглаживая.

– Разве только спину ската.

– Да, но он бы выглядел не так симпатично в качестве плаща.

Улыбка Зейди была напряженной.

– Нет, полагаю, что нет.

– Что такое? Точнее, я знаю, что происходит, но, может быть, есть что-то конкретное, что тебя беспокоит? Что-то, с чем я могла бы помочь?

Она вздохнула.

– Знаю, что это глупо, но я продолжаю думать о чем-то вроде чуда, которое случится, и тогда мы придумаем, как изменить все это. Это невозможно, я знаю. Но я не могу перестать об этом мечтать.

– Единственный вариант, при котором они позволили бы тебе остаться, – это если бы ты вдруг перестала быть красивой, а мы обе знаем, что этому никогда не бывать.

Скорее наоборот, за последние несколько дней Зейди стала даже прекраснее.

Печаль полезна для души, сказал отец после несчастного

случая, когда я оправилась от боли и недуга, но еще не свыклась с ощущением разодранной плоти на моей в остальном безупречной коже. *Те, кто никогда не знал боли или невзгод, мелкие, как волны, плещущиеся о берег.*

А что плохого в том, чтобы быть мелким? – спросила я у него.

Что скрывается под поверхностью мелководья? Ничего. Океан оживает только тогда, когда ты погружаешься на глубину. Чем глубже ты заплываешь, тем больше тайн и удивительного тебя поджидает.

Я сдвинула брови и прижалась ближе к нему, но тогда он меня не убедил. Я никогда в жизни не видела мелководья, но одно я знала точно: по мелководью можно добраться до берега. И не существовало большей тайны или большего чуда, чем суша. По крайней мере, для меня.

Зейди сложила плащ и вернула его в сундук.

– Я не могу избавиться от ощущения, что боги каким-то образом поменяли наши судьбы. И что мне суждено быть той, кто останется…

– А мне было суждено уехать, – закончила я и выдохнула через нос. – Ну, мы *являемся* идентичными близнецами. Даже отец раньше путал нас, когда мы были малышами. Возможно, на самом деле я настоящая Зейди, а ты истинная Нора, – сказала я со смехом.

До того несчастного случая люди часто путали нас, называя меня Зейди так часто, что даже сейчас я до сих пор за-

просто отзываюсь на ее имя как на свое собственное. Бывали времена, когда я ощущала такую близость со своей сестрой, что истинно верила в то, что я составляла одну половинку целого человека, а она составляла другую. Я не смогла бы жить без нее так же, как не смог бы существовать человек лишь с половиной сердца.

Зейди улыбнулась, но той ночью, когда мы легли спать, она опять повернулась ко мне спиной, как сделала это в прошлый раз. Одним из величайших утешений в моей жизни было осознание того, что, даже если я не могла понять смысл действий моей матери или предсказать, что может произойти в будущем, я, по крайней мере, знала мысли Зейди, и, возможно, даже лучше, чем свои собственные. Она была предсказуемой, надежной, честной и доброй. А еще ответственной и неконфликтной. От нее нельзя было ожидать чего-то непредсказуемого. Она была прямолинейной, как горизонт, и стабильной, как рассвет. Мы знали, сколько я себя помню, что этот день наступит, и я всегда предполагала, что Зейди готовилась к нему, как и я.

В какой-то момент я проснулась ночью и не обнаружила рядом спящей Зейди. Мое беспокойство продолжалось всего мгновение, пока мне не пришла в голову мысль о том, что, должно быть, она снова сбежала ради поцелуев с Сэми. Я твердила себе, что не завидую, но что, если я ужасно целуюсь? Откуда Зейди вообще знала, как это делать?

Последние семнадцать лет она была столь мне близка, как

моя собственная плоть. Теперь же я задавалась вопросом, знала ли я ее вообще когда-нибудь по-настоящему.

Утром, когда я проснулась, она снова была подле меня. Я посмотрела на лицо в форме сердечка, расслабленное во сне, и гадала, так же любил бы ее Сэми, если бы шрам достался ей. Я заметила, как изменилась мамина любовь ко мне после несчастного случая. Даже мой папа, в чьей любви я никогда не сомневалась, стал относиться ко мне иначе. Он не мог смотреть на меня без тени печали и сожаления, как если бы он видел две версии меня: ту, кем я была до случившегося, и ту, кем я являюсь сейчас.

Когда Зейди проснулась, я не упомянула ее отлучку, да и она тоже. Отец рано ушел на рыбалку с другими мужчинами, а мама до сих пор спала.

– Что нам нужно сделать? – спросила Зейди, пока мы готовились к предстоящему дню.

– Полагаю, нам необходимо поискать устриц.

– В таком случае мы оставим маму без лодки. И ей придется взять ее у соседей. Или плыть самой.

Я усмехнулась.

– Так даже лучше.

Мы провели в море все утро, и это время пролетело незаметно. Казалось, что все осталось по-прежнему, как до церемонии. Мы плавали наперегонки за несколькими замеченными нами устрицами, и один раз я поддалась Зейди, как часто делала раньше. Мы даже нашли осьминога, прятавше-

гося в скале, и вытащили его оттуда. По крайней мере, на ужин будет что-то еще, помимо тушеного мяса.

Когда мы вернулись домой, мама была там, как мы и предполагали. Она лежала на кровати, обмахиваясь веером, но села прямо, когда мы поднялись через люк.

– Где вы двое пропадали? – жаловалась она. – Я застряла здесь без лодки на все утро.

– Мы всего лишь хотели провести время вместе, – сказала Зейди. – У нас осталось всего два дня.

Она сдвинула брови.

– Я помню об этом. Я подумала, что, возможно, мы *втроем* могли бы провести некоторое время вместе, для разнообразия. – Она усадила нас на матрас возле себя, взяв каждую из нас под руку. – Не могу поверить, что всего через пару коротких недель в этом доме останемся только мы одни с вашим отцом.

Я выскользнула из-под ее руки.

– Что ты имеешь в виду?

– Свадьба. Мы с Элиди подумали, что ее следовало бы сыграть в ночь солнцестояния. Это благоприятное время для начала новой совместной жизни и семьи.

Мы с Зейди в ужасе переглянулись. *Семья*? Мне еще даже восемнадцати не исполнилось. Я не была готова выйти замуж и уж тем более стать матерью.

– Я не понимаю, к чему такая спешка, – сказала я. – Зейди же вот-вот уедет. Разве мы не можем немного подождать?

– Нам повезло, что Сэми вообще согласился жениться на тебе, Нора. Не думаю, что ждать разумно. Кроме того, с отъездом твоей сестры в семье станет на одного работающего человека меньше. Как только ты выйдешь замуж за Сэми, наша семья будет обеспечена всем, и ты – в первую очередь. Разве ты не желаешь, чтобы твоя семья ни в чем не нуждалась?

Так что дело было в деньгах, не во мне. Не буду отрицать, что наша семья находится в крайне сложном положении, но в такой же ситуации находилась каждая семья в Варинии. Во всяком случае, нам не нужно было кормить восемь или десять ртов, как некоторым. Возможно, нашим родителям и не посчастливилось иметь сыновей, которые бы с бóльшим успехом обеспечивали семью все прошедшие годы, чем мы с Зейди, но маме определенно удалось извлечь максимум пользы из своих дочерей.

– Да, мама, – промолвила я. – Я хочу, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась.

– Хорошо. Мы сделаем официальное заявление о вашей помолвке на празднике Зейди, через два дня. И тогда все в Варинии узнают, насколько повезло нашей семье.

Той ночью меня разбудил звук плача Зейди.

– Что случилось? – спросила я, сев в постели и потянувшись к сестре. Мои пальцы нащупали только пустоту в том месте, где должна была лежать она. – Где ты?

– Я здесь, – сказала она. Как только мои глаза привыкли к темноте, я увидела ее, сжавшуюся в комок, в изножье кровати. На ее щеках блестели слезы.

– Что с тобой? Что-то случилось? Ты поранилась?

– Нет, мне нужна… Мне нужна твоя помощь.

– Конечно, – ответила я, но она по-прежнему сидела на том же месте, перекинув волосы на одно плечо. – Разумеется, это может подождать до утра.

Зейди поднялась, не сказав ни слова, и вышла из нашей спальни. Обескураженная и еще толком не проснувшись, я проследовала за ней на балкон.

– В чем дело? – прошептала я. – Что случилось?

– Ты возненавидишь меня, если я тебе расскажу. Но и это не остановит меня. Я не поеду в Иларию. И ты мне в этом поможешь.

Она спрыгнула с балкона прежде, чем я успела ее остановить, и я нырнула вслед за ней, ужаснувшись от мысли, что она собирается утопиться. Однако она поплыла прочь от дома. Я хотела крикнуть ей, чтобы она остановилась, но побоялась, что этим перебужу все поселение, и поэтому поплыла за ней.

Мы плыли, как мне показалось, целую вечность и наконец добрались до нашей лодки, стоявшей на якоре на большом расстоянии от нашего дома.

– Что ты делаешь? – спросила я, судорожно хватая воздух. Я даже не подозревала, что Зейди так быстро плавает. Я уже

потянулась к лодке, чтобы забраться в нее, но Зейди остановила меня, вытянув вперед руку.

– Не подплывай слишком близко, Нора.

– Что? Почему? – Я проследила за ее взглядом до веревки, перекинутой через борт лодки. – Что это?

Она закусила губу.

– Я поймала ее прошлой ночью.

Значит, все-таки она была не с Сэми.

– Поймала что?

– Медузу волосы девы.

Я ахнула и отплыла на несколько футов от лодки.

– Зейди, нет! Ты хоть представляешь, насколько она опасна? Она ужалила тебя?

– Я брала большую сеть. И не трогала медузу. Я даже не смотрела на нее, с тех пор, как поймала. Я оставила ее здесь на весь день, придавив якорем. Вполне возможно, что она уже мертва.

Я нырнула под воду с полной уверенностью, что она ошибается. Зейди не смогла бы поймать медузу волосы девы. Она ведь даже не знала, как это сделать. Однако и в самом деле медуза была там, едва заметно мерцая в сети.

Я вынырнула и убрала волосы с лица.

– И что конкретно ты собираешься с ней делать?

– Я собираюсь с ее помощью нанести себе шрамы. На своих ногах. Как Дидона.

Дидона была девушкой, которую мы знали с самого дет-

ства. В возрасте всего лишь восьми лет она получила смертельные ожоги от медузы волосы девы, приплывшей в деревню. Варинийцы на удивление хорошо подлечили Дидону, но на ее ногах все равно остались рубцы. Она входила в число немногих девушек нашего возраста, которые не участвовали в церемонии, и ее историю нам припоминала мама каждый раз, когда мы замышляли что-то рискованное или опасное.

Вы же не хотите оказаться в той же ситуации, что и бедняжка Дидона, не так ли?

– Что? – вздохнула я.

– Если единственный способ остаться в Варинии – лишиться своей красоты, то это именно то, что я бы сделала.

Я закрыла глаза, вспоминая, что сказала ей накануне, и мысленно отругала себя за собственную глупость.

– Неужели все это из-за какой-то глупой фразы, брошенной мной? Это может избавить тебя от необходимости покидать Варинию, но Сэми никогда не разрешат жениться на тебе. И ты можешь умереть!

Ожог медузы волосы девы редко бывал смертельным, главным образом потому, что встречи с ними возможно было избежать, и всякий раз, когда кого-то ужалили, медузы уплывали от жертвы как можно быстрее. Дидона была маленькой и плохо плавала, а медуза, с которой она столкнулась, была огромной, из-за чего девочке было трудно от нее уплыть.

Эта медуза была меньше той, которую мы видели на днях,

а молодые особи, как известно, менее ядовиты, чем взрослые. Но намеренно подвергать себя ожогу? Кто знал, какими могут быть последствия?

– Если ты можешь придумать другой способ оставить меня в Варинии, то я с удовольствием тебя послушаю. Но если не можешь, то я не хочу слышать ничего, кроме поможешь ли ты мне или нет? – сказала Зейди.

Это не ты! – хотела закричать я. Она говорила холодно и бесчувственно, как мама.

– Я сделаю для тебя все что угодно, Зейди. И ты знаешь об этом. Но я не буду помогать в том, что причинит тебе вред.

Я начала уплывать, но ее рука отчаянно схватила мою.

Она притянула меня к себе, пока наши лбы не оказались так близко, что почти соприкоснулись. Через мгновение ее лицо сморщилось и она заплакала.

– Пожалуйста, Нора. Мне страшно.

Я несколько секунд смотрела на нее, пытаясь представить, что хочу чего-то так сильно, что готова навредить себе навсегда из-за этого. Зейди не знала такой боли, как я; она, возможно, не понимала, о чем просит.

Но она видела, как я страдаю. Она знала, через что я прошла. И просто наблюдать за этим, должно быть, было мучительно для нее, и я хорошо понимаю, как тяжело мне будет видеть мучения сестры. Если она решилась на такое, она должна была испытывать безграничное отчаяние.

Мои глаза наполнились слезами, когда я начала понимать,

что Зейди *уже* было больно. Уход Сэми, возможно, и не причинил бы ей физической травмы, но я чувствовала себя так, словно меня пронзали ножом в сердце каждый раз, когда я представляла, как Зейди покидает Варинию. Она бы чувствовала то же самое по отношению и ко мне, *и* к Сэми. Я посмотрела на ее руку, сжимающую мою, на безупречную кожу ее руки. Она умудрялась жить все эти годы, не получив не единой занозы, и она хотела, чтобы я помогла ей испортить все это в одно мгновение?

– Я не могу! – воскликнула я, и слезы хлынули у меня из глаз. – Я не сделаю этого с тобой, Зейди. Мне очень жаль.

Я уже удалилась от нее на некоторое расстояние, когда она крикнула мне вслед.

– Тогда я сделаю это сама!

Я обернулась и увидела, как она достает нож из лодки и ныряет под воду.

– Зейди, нет!

Я рассекала воду по направлению к ней и добралась как раз вовремя. Я потянула ее за плечо, разворачивая к себе, и на мгновение мы застыли в неподвижности, ее лицо отражало ту же боль, которую испытывала и я.

– Пожалуйста, Нора, – воскликнула она, как только мы вынырнули. – Если ты не сделаешь этого для меня, то по крайней мере останься со мной. Я не могу сделать это в одиночку.

Я ненавидела себя за то, что кивнула. Но я знала, что воз-

ненавижу себя еще больше, если уйду, а она серьезно поранится, пытаясь сделать это самостоятельно.

– Как ты собираешься это сделать? – спросила я дрожащим голосом.

Часть беспокойства исчезла с ее лица, но я почувствовала, будто приняла эту часть на себя.

– Я отрежу одно из щупалец и положу его себе на ногу. Его нужно будет подольше подержать на моей коже, чтобы добиться ран, которые оставят след навсегда.

Я в ужасе на нее уставилась.

– Откуда ты это знаешь?

Она направилась в другую часть лодки, подальше от медузы.

– Как-то раз мне об этом рассказала мама. Она поведала, что, если вдруг когда-нибудь меня ужалит медуза, самое важное в такой ситуации – как можно скорее избавиться от щупалец и использовать что-то плоское и твердое, чтобы извлечь жала. Иначе на коже навсегда останутся шрамы. Эта медуза волосы девы маленькая. Не думаю, что у нее достаточно яда, чтобы убить меня.

– Ты не *думаешь*? – вскрикнула я.

– Уверена, что недостаточно.

Это не сильно обнадеживало.

– И что же мы скажем маме или отцу? Что мы скажем остальным селянам?

– Что отправились поплавать ночью и не заметили ее. Ни-

кто и не подумает, что я могла бы это сделать нарочно с собой.

Она была права. Хоть я и была сейчас с ней, но и сама едва ли верила в происходящее.

– А что, если Сэми тебя не примет?

– Он любит меня, Нора. Я знаю, что он ни за что не изменит свое решение.

Как раз я-то знала, как может измениться любовь с появлением шрама, но у меня не хватило духу рассказать ей об этом.

– Его отец – губернатор. Он не позволит ему жениться на тебе.

Зейди помотала головой.

– Если я нужна Сэми, его родители прислушаются. А если нет, то мы сбежим вместе.

От шока я зажмурилась. Я хотела сбежать с Зейди, но никогда не верила в то, что она действительно бы это сделала.

– Ты обсуждала это с ним?

– Нет, но я просто знаю это. Мы целовались, Нора. И это было подобно обещанию. Что он любит меня так же, как люблю его я. Что он готов ради меня на все. Я не могу передать тебе это чувство, когда ты точно знаешь, что кто-то готов сделать для тебя все что угодно.

Я резко вздохнула, ее слова, будто крючком с зазубриной, полоснули мое сердце. Разве она не знала всегда, что я сделаю ради нее все что угодно?

– И ты все равно просишь меня об этом? Почему бы тогда не попросить *Сэми*, если он настолько сильно тебя любит?

Она притянула меня к себе.

– Потому что именно *ты* моя родственная душа. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо когда-либо знал или будет знать. Потому что я доверяю тебе больше, чем доверяю Сэми. И потому что именно ты самая сильная личность из всех, что я когда-либо знала. Только ты можешь мне помочь.

– Несправедливо с твоей стороны просить меня об этом, – сказала я, а мой голос сорвался на всхлип.

– Ты защитишь меня, – сказала она сквозь собственные слезы. – Как оберегала меня всегда, и сейчас не бросишь.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не заплакать. Часть меня была в бешенстве от того, что моя сестра вообще меня об этом просила, что поставила меня в такое положение. Я хотела отказать ей, вернуться в постель и проспать следующие два дня, пока все это не закончится.

Но она была права. Она не могла попросить у меня ничего из того, что я бы для нее не сделала. И если это действительно было то, чего она хотела, то я не могла позволить ей пережить это в одиночестве.

– Я помогу тебе заполучить щупальце, – наконец выпалила я. – Но я делаю это только потому, что боюсь, что сама ты навредишь себе, пытаясь это сделать, а не потому, что согласна с твоим решением.

– Я понимаю.

Она полезла в лодку и вручила мне самый острый гарпун отца и сеть для ловли маленьких рыбок.

– Будь осторожна.

Я взяла гарпун с сетью и нырнула под воду. Медуза находилась в большой сети, в которую ее поймала Зейди, но несколько щупалец просунулись сквозь отверстия. Когда мои слезы смешались с соленой водой вокруг меня, я попыталась унять дрожь в руках, и мне потребовалось несколько попыток, прежде чем мне удалось отрубить четыре или пять тонких щупалец. Я протянула руку с маленькой сетью и поймала их, все еще не уверенная, правильно ли я поступаю, а затем осторожно поднялась на поверхность, держа сеть на расстоянии вытянутой руки.

Зейди держала в руках небольшой кусочек коряги.

– Я подумала, что лучшим решением будет сделать это именно здесь, так никто не сможет услышать мой крик, но на всякий случай я зажму эту деревяшку зубами. Сейчас нам нужно забраться в лодку на тот случай, если я потеряю сознание.

Только сейчас я осознала, что она уже все спланировала. Возможно, даже в тот день, когда мы нашли мертвую медузу.

– А что потом?

– Вот потом и узнаем.

Я забросила сеть и щупальца в лодку, потом забралась сама, приземлившись рядом с Зейди. На нас обеих были надеты только туники, и морская вода на длинных ногах Зей-

ди блестела в свете луны. Она пока была невредимой и совершенной. Еще не поздно было вернуться домой и притвориться, что всего этого никогда не было.

– Зейди, остановись, пожалуйста, – умоляла я. – Что, если мы вместе поговорим с губернатором Кристосом? Может быть, он согласится позволить мне занять твое место.

Она покачала головой.

– Даже если он согласится, то мама – ни за что. Она твердо решила, что моя судьба должна быть именно такой.

И еще она думает, что я недостаточно красива, подумала я. Она никогда бы не стала рисковать, вдруг тогда старейшины выберут на место Зейди Элис.

Она села с одного конца лодки и зажала между зубов кусочек плавника.

– Я готова, – сказала она сквозь деревяшку.

Я подобрала маленькую сеть, где щупальца уже почти перестали мерцать. Сколько уже времени? Сколько у нас есть времени до пробуждения родителей и до того, как они обнаружат, что мы натворили? Что скажет мама, когда узнает обо всем? Я знала, что все вот-вот навсегда изменится, но все равно подала ей сеть. Я думала об увечьях Дидоны, которые видела всего однажды, когда мы ненадолго пришли навестить ее после несчастного случая. Место, которого коснулись щупальца, вздулось и было розовым, как будто по ее ноге ползало множество червей.

Я представила Зейди с подобными шрамами и начала пла-

кать, крепко зажмурив глаза, когда она опустила сеть на свои ноги, и приготовилась к ее воплям.

– Я не могу.

Мои глаза распахнулись, и по телу прокатилась волна облегчения.

– Хвала богам.

Она выплюнула деревяшку.

– Это должна сделать ты, Нора.

– *Что?* – Я яростно замотала головой. – Нет, я сказала, что останусь с тобой, но я не стану этого делать.

Зейди отложила сеть в сторону и опустилась на дно лодки, чтобы встать передо мной на колени.

– Пожалуйста, – умоляла она. – Если мне придется уехать в Иларию, я умру из-за разбитого сердца. И ты тоже не сможешь жить, если тебе придется остаться здесь без меня. Может быть, не сразу, но такая жизнь постепенно погубит тебя, я знаю тебя, Нора. Ты никогда не будешь здесь счастлива.

– Не делай этого, – сказала я, всхлипывая. – Не делай этого ради меня. Я ничего этого не хочу!

Она снова потянулась за сетью и так настойчиво мне ее всучила, что я вздрогнула.

– Если ты действительно меня любишь, то поможешь мне.

Я никогда не видела Зейди в таком состоянии, ее глаза были так широко распахнуты, что белки были видны целиком. Она обезумела от отчаяния, и я с трудом узнавала в ней свою любимую сестренку.

– Прошу, не говори так.

Она застыла там, дрожа от страха, гнева и безысходности. Все называли это честью. Быть избранной девушкой, быть красивой, выгодно выйти замуж. Но честь обернулась по-другому: испуганная девушка, умоляющая на коленях об избавлении.

– Я не могу поверить, что это именно то, чего ты хочешь, Зейди. Просто не могу.

– Это так, Нора. Больше всего на свете.

Мне потребовались все мои силы, чтобы забрать у нее ручку сетки, но я почувствовала, что она испытала облегчение, как если бы я испытала его сама. Она была так напряжена, мне пришло в голову, что она может порваться, как рыболовная леска.

– Я люблю тебя, – сказала я ей.

– Ты была для меня всем, – сказала она, и в ее голосе слышалось глубокое и искреннее чувство. – Моими руками, когда мне не разрешали грести, моими ногами, когда мне не разрешали нырять. Моими губами, когда я не могла защититься от мамы. Теперь мне нужно, чтобы ты была моими руками, Нора.

Я прикусила губу, чтобы заглушить свой крик. Но если Зейди не могла сделать это самостоятельно, я буду твердой рукой, которой ей не хватало. Я опустила сеть, пока первое щупальце не зависло прямо над обнаженной кожей ее бедра, и снова засомневалась.

– Зейди, я…

Прежде чем я успела остановить ее, она протянула руку, взяла меня за руку и заставила опустить ее. В ужасе я вырвалась и выронила сеть, но щупальца, которые коснулись ее, уже прилипли к коже. Зейди содрогнулась, когда крошечные жала вцепились в ногу, подтягиваясь к ней.

Прикусить губу было уже недостаточно. Я укусила себя за руку, чтобы не закричать. Полупрозрачные голубые линии прилипли к ноге Зейди, даже когда она начала трястись, даже когда она начала корчиться от боли. Ее кожа покраснела, а затем покрылась волдырями. Я с ужасом наблюдала, как щупальца, казалось, растворились в ее теле.

– Сними их! – наконец взвыла она. – Умоляю!

– Как? – взвизгнула я.

Я зачерпнула руками морскую воду и попыталась смыть щупальца, но те немногие, что оторвались, унесли с собой полоски кожи моей сестры. В моих отчаянных попытках помочь ей щупальце коснулось моей руки. Боль была такой невыносимой, что я наконец позволила себе закричать, зная, что страдания Зейди были в тысячу раз хуже.

В отчаянии я подхватила ее под руки и сбросила за борт лодки, держа ее одной рукой на плаву, в то время как другой пыталась соскрести оставшиеся щупальца отцовским гарпуном, стараясь, чтобы она потеряла как можно меньше крови.

К тому времени как мы закончили, Зейди была без сознания, а вода вокруг нас потемнела от крови.

7

После того как я подняла ее обратно в лодку, мы некоторое время лежали, пока я пыталась восстановить свое дыхание. Я не могла позволить себе потерять сознание, не сейчас, когда глаза Зейди по-прежнему оставались закрытыми, когда она лежала рядом со мной, такая бледная и неподвижная. Я должна была вернуть нас домой как можно скорее, но сначала я отсоединила оставшуюся часть медузы от сети и разрубила ее на кусочки гарпуном.

И пусть моя рана на руке горела при каждом взмахе веслом, она уже заживала. Пока гребла, я с трудом могла смотреть на ногу Зейди. Ее правое бедро приняло на себя основной удар, впрочем, несколько случайных кусочков щупалец задели левое бедро и нижнюю часть живота. При свете луны ее лицо было мертвенно-бледным, а ожоги были ярко-красными даже в темноте. Яд проник в кровоток почти

мгновенно, и ее бросило в жар. Я боялась, что если в ближайшее время мы не окажем ей помощь, то она действительно может умереть.

Но Зейди была без сознания, поэтому именно мне придется позвать родителей, объяснить, что стряслось, помочь позаботиться о ней. И я боялась. Мне было страшно, что они будут винить меня, что план Зейди не сработает и они все равно отправят ее или отправят Элис вместо нее, и тогда мама будет обвинять меня еще и в этом. Я боялась за свою сестру, боялась, что Сэми не сможет не замечать этих ран. И, что хуже всего, я боялась себя. Потому что я не только допустила, чтобы что-то подобное произошло с человеком, которого я люблю больше всех на свете. Я еще и поспособствовала этому, несмотря на то что в самом конце Зейди заставила меня это сделать.

Я налегла на весла, когда наш дом появился в поле зрения, а затем быстро привязала лодку к столбу. Я вытерла со щек слезы и поднялась по веревочной лестнице.

– Мама! Папа! – пронзительно закричала я в темноту. – Помогите!

Я услышала движение с их стороны занавески, но недостаточно быстрое. Отец сел в постели, когда я отодвинула ткань в сторону.

– Что случилось, дитя?

Он использовал слово *дитя*, когда не мог точно сказать, кто конкретно из нас говорит.

– Зейди, – сумела я проглотить комок в горле. Я никогда в жизни так сильно не плакала, даже когда порезалась о кровавый коралл. – Ее ужалила медуза волосы девы.

Мама, которая до этого ворчала во сне, вскочила.

– Что? – закричала она пронзительным от ужаса голосом.

С дрожащими руками я наклонилась, чтобы помочь ей подняться.

– Мы плавали и не заметили ее, пока не стало слишком поздно. – Мои слова были ложью, но горе и ужас были абсолютно неподдельными. – Она в лодке, без сознания. У меня не хватило сил поднять ее сюда.

– Талос, нет! – закричала мама. Родители промчались мимо меня. Я услышала всплеск воды, когда нырнул отец, а затем мамин вопль, когда она посмотрела вниз через дверцу люка.

– Моя малышка, – причитала она. – Что случилось с моей прекрасной малышкой?

Меня накрыло внезапным воспоминанием о том злополучном дне, когда именно я была той, кто лежал в лодке без сознания. *Что случилось с моей прекрасной малышкой?* Мама сказала тогда те же самые слова обо мне. Вдруг мои колени подкосились, ноги стали ватными, и я незаметно осела на пол нашего дома.

Из-за маминых криков в других домах начали загораться фонари. Отец звал на помощь.

– Приведи старейшину Немею, – скомандовал он, береж-

но передавая Зейди маме через дверь.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что эти слова были сказаны мне. Я с трудом поднялась, благодарная за то, что появилась возможность уйти. Мне было невыносимо смотреть на ноги своей сестры, на кошмарные последствия того, что мы натворили.

Как только я вернулась в лодку, часть моих сил вернулась ко мне, и я налегла на весла сильнее, чем когда-либо раньше. Я с трудом заставила себя остановиться возле дома старейшины Немеи, чтобы не уехать из Варинии, подальше от маминых воплей.

Пожилая женщина уже выходила из своего дома, когда я подплыла.

– Что случилось, милая?

– Моя сестра, – произнесла я, тяжело дыша. – Ее ужалила медуза волосы девы. Она без сознания.

– Зейди? Нет, не может быть!

Она снова исчезла в доме и появилась через минуту с тяжелой сумкой. Конечно, предпочтительнее было бы привести деревенского врача, но в прошлом году он умер из-за нападения акулы прежде, чем успел полностью обучить свою дочь ремеслу.

Я взяла сумку и помогла ей сесть в лодку, а затем перевезла нас так быстро, как смогла. К тому времени вокруг нашего дома уже собралось несколько лодок. Мы с Немеей поспешили к нашей с Зейди постели, на звуки маминых всхлипов.

– Посторонитесь, – сказала Немея моим родителям, проходя мимо них, уже доставая мази и полоски ткани из своей сумки. Зейди лежала на кровати, все еще без сознания, а ее лоб покрылся капельками пота.

– Как ты могла позволить этому случиться? – закричала мама в тот момент, когда увидела меня. – Как можно было быть настолько глупой, чтобы взять с собой сестру на ночное купание в такое время?

Я могла бы сказать, что это идея Зейди, что я не хотела идти плавать. Я могла сказать маме правду, часть меня хотела этого. Но как только мой взгляд упал на ее ногу, на отсутствующую кожу и лужу крови, то поняла, что никогда бы не смогла предать ее.

– Прости меня, мама, – сказала я ей со слезами на глазах. – Мы просто ее не видели. Я думаю, она уже была к тому моменту мертва.

– Ты соскребла жала? – спросила у меня Немея.

– Да, думаю, да. Я делала все возможное.

– Хорошо. – Она открыла небольшую баночку из китовой кости, полную переливающейся розовой мази, и начала намазывать ее на ногу Зейди. – Жемчужины помогут ей исцелиться, но, боюсь, раны слишком глубокие, чтобы когда-нибудь полностью исчезнуть.

От слов Немеи мама зарыдала еще сильнее.

– Но она ведь выживет? – спросил отец.

– Она будет жить, если нам удастся сбить температуру.

Немея попросила меня намочить полотенце свежей водой, чтобы положить Зейди на голову, и заставила меня смочить парой капель ее кровоточащий рот, поцарапанный занозами деревяшки, которую она зажимала. Старейшина наблюдала, как я промакала ее кровь, но вопросов не задавала. Мама мертвой хваткой вцепилась в руки Зейди, покачиваясь вперед-назад на коленях и бормоча молитвы Талосу и всем остальным богам, которых она могла назвать. Отец расхаживал по комнате, пока Немея перевязывала ногу Зейди тканевыми бинтами.

Через наше окно я видела людей, толпившихся на нашем балконе.

– Смотри, папа, – сказала я.

Наш дом не мог выдержать веса стольких людей. Он вышел на улицу и сказал им, чтобы они уходили, что произошел несчастный случай и утром они обо всем узнают.

Когда я услышала, как губернатор Кристос снаружи вежливо, но настойчиво велел людям уходить, я почувствовала волну облегчения. Он вошел в дом вместе с Элиди и Сэми и поспешил к Зейди. Когда все столпились вокруг нее, Зейди была скрыта из виду, и Сэми сначала заметил меня.

– Нора, что произошло? – спросил он, присев на корточки возле меня.

– Мы плавали. Ее ужалила мертвая медуза волосы девы. Я доставила ее домой так быстро, как только смогла.

Он притянул меня в свои объятия, и я позволила себе на

мгновение успокоиться. Сэми позаботится о Зейди, что бы ни случилось.

Мама плакала в углу, а мама Сэми бормотала тихие слова, пока губернатор Кристос разговаривал с отцом. Старейшина Немея закончила перевязывать раны Зейди и наливала воду в горшок. Я наблюдала, как она положила горсть трав и несколько шариков розовой мази и размешала.

Я поднялась с помощью Сэми и пошла разжигать огонь в нашей глиняной печи.

– Что вы делаете? – спросила я у Немеи.

– Крем поможет ее ранам, а бульон поможет ей справиться с лихорадкой.

Когда смесь закипела, она попросила миску и налила в нее бульон. Отец пытался немного приподнять Зейди, чтобы она могла попить, но та была вялой, как морской огурец. Мне показалось, что я увидела движение ее ресниц, и ей удалось проглотить немного бульона, но она не проснулась. Даже, наверное, к лучшему, что она спала, – боль, должно быть, невыносимая.

Немея позвала моих родителей.

– Этой девочке нужно отдохнуть. В таком состоянии она не может ехать в Иларию, даже если предположить, что она еще будет нужна принцу. Завтра я созову экстренное заседание со старейшинами и мы обсудим, что делать дальше.

– С ней будет все в порядке, – сказала мама, выпрямляя спину. – Она была рождена стать принцессой, и она отпра-

вится в Иларию через два дня, как и планировалось. Вы выбрали ее. Вы не можете отнять у нее этого.

Серые глаза старейшины сузились.

– Как я уже сказала, мы обсудим это утром. А сейчас всем необходимо немного отдохнуть. Когда девочка придет в сознание, ей будет очень больно. Продолжайте поить ее небольшим количеством бульона. Если боль будет невыносимой, ей можно выпить немного вина, но только чуть-чуть.

– С ней все будет в порядке, – снова сказала мама, но старейшина Немея не ответила.

– Отвези меня домой, – сказала она Сэми, который не стал уклоняться от выполнения наказов старушки, которая ниже его вдвое.

– Я вернусь утром, – крикнул он мне, спускаясь через дверь люка. – Позаботься о ней.

Я кивнула, обхватив себя руками. Я оставалась все в той же мокрой ночной сорочке, но знала, что холод, просачивающийся внутрь, не покинет меня, даже когда я высохну.

– Конечно.

К тому времени как поднялось солнце, такое же красное и зловещее, как раны Зейди, мы все уже проснулись. Она все еще не разговаривала – а только всхлипывала, когда мама качала ее и убирала волосы с лица. Лихорадка пока полностью не прекратилась, но тот факт, что Зейди пришла в себя, был добрым знаком. У меня получилось заставить ее

пить бульон небольшими глотками, но она не смотрела мне в глаза. Отец продолжал ходить туда-сюда по дому.

– Сейчас они не могут изменить свое решение, – сказал он. – Разумеется, король простит ей несколько шрамов на ноге.

Я прикусила язык, хотя шрам на моей щеке покалывал, когда он заговорил. Он казался таким незначительным по сравнению с ожогами Зейди. Но я понимала логику Зейди – ей нужно было сделать что-то радикальное со своей внешностью, не меняя своих физических возможностей. Женщина со шрамами вполне могла обеспечивать свою семью.

– Не глупи, Пакс, – проворчала мама. – Несколько шрамов? Девушка *искалечена*.

– Каллиопа, – прошипел отец. – Достаточно.

Она перевела свой взгляд с него на меня.

– Как ты допустила, чтобы это случилось? – спросила она у меня в сотый раз. – За два дня до ее отъезда? Она провела всю жизнь, оберегая свою красоту, и одно бестолковое решение стоило ей всего.

Я слишком устала, чтобы и дальше держать язык за зубами.

– Не всего. Я все еще собираюсь стать невесткой губернатора.

Я ожидала вспышки гнева, но пощечина застала меня врасплох.

Я накрыла рукой щеку. Мама никогда не била нас, что,

по моим предположениям, было связано со страхом изуродовать нас, нежели с любовью. На мгновение ее глаза расширились, как будто она даже себя удивила, но не отступила.

– Это все твоих рук дело, так ведь? – обвинила она меня. – Ты всегда завидовала своей сестре. Ты никогда не была довольна тем, что живешь здесь. Ты всегда думала, что ты лучше всех нас, что Вариния слишком мала для тебя. Но ты всего лишь одна из мелких, глупых рыбок, плавающих в наших водах. Ты действительно думаешь, что они предпочтут тебя Элис?

Отец подошел и навис над нами.

– Я сказал, *довольно*.

Меня пугало, что кто-то мог подозревать меня в умышленном причинении вреда Зейди, но моя собственная мама? Неужели она действительно подумала, что я способна на такое?

– Я люблю Зейди больше самой жизни, – сказала я, пытаясь скрыть свою боль и с треском провалившись. – Я бы никогда не навредила ей, чтобы занять ее место! Ты должна это знать.

Она отвернулась от меня.

– Я совсем тебя не знаю.

Отец взял меня за руку и вывел на балкон.

– Расскажи мне правду, Нора, – произнес он, когда убедился, что шум волн сможет заглушить его слова, чтобы мама, со своим острым слухом, не смогла ничего услышать. –

Это произошло случайно или Зейди сделала это с собой, чтобы остаться и выйти замуж за Сэми? Я знаю, что она любит его, и я также видел, как он смотрит на нее. Просила ли она тебя помочь ей?

В моем животе словно якорь провернулся. Неужели все это было настолько очевидно?

– Это был несчастный случай.

Глаза отца были темно-карими, темнее моих, почти черными. Его волосы колыхал ветер, обнажая легкую залысину, которая придавала ему благородный, мудрый вид.

– Правду, Нора.

– Это был несчастный случай, – медленно повторила я. А внутри, в горле, правда рвалась наружу и пронзительно кричала, требуя своего высвобождения.

Я проглотила ее.

– Ладно. Тогда посмотрим, что решат старейшины. Скорее всего, вместо Зейди отправят Элис или какую-нибудь другую девушку. – Отец вздохнул. – И я не знаю, примет ли Сэми ее такой.

Да помогут мне боги, теперь мне придется отстаивать все, чего мы с Зейди хотели добиться.

– Примет. Он любит ее.

– Тем не менее его родители могут этого не позволить. – Он откашлялся. – Особенно теперь, когда все поселение осведомлено о том, что вы с Сэми поженитесь в солнцестояние. Нам стоит благодарить за это вашу маму.

У меня отвисла челюсть.

– Что? Нет! Я не могу выйти замуж за Сэми сейчас. Это уничтожит Зейди.

Он снова откашлялся, отворачиваясь как раз в тот момент, когда я заметила в его глазах блеск слез. Раньше я никогда не видела, чтобы мой папа плакал.

Я подошла и стала рядом с ним у перил балкона, но не смотрела на него. Я боялась, что ему станет стыдно и что на моем лице он прочтет то же чувство стыда.

– Если Сэми не женится на Зейди, что с ней станет?

– Полагаю, это зависит от степени полученных увечий.

Я тихонько всхлипнула.

– Мне страшно, отец.

Он притянул меня к себе, обнял и стал поглаживать по голове, как в детстве, до того несчастного случая.

– Как и мне, Нора. Как и мне.

Через несколько часов старейшины позвали маму и отца в молельный дом. Я осталась дома, чтобы присматривать за Зейди, которая спала, но, по крайней мере, она была в сознании. Она до сих пор не поговорила со мной, но во сне она сжимала мою руку. Меня одолевало желание снять с нее повязки и посмотреть, насколько были серьезны раны, но я боялась помешать процессу заживления. Немея сказала, что прибудет позднее, вечером, чтобы сделать перевязку и нанести целебную мазь. Во всяком случае, небольшие шрамы на

животе уже начали заживать.

Моя сестра *обязательно* поправится. Она должна.

Как только Зейди открыла глаза, я сразу принесла ей попить свежей воды.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я. – Ты можешь сейчас разговаривать?

Она кивнула.

– Да, я могу говорить.

Я стиснула ее ладонь.

– Ты ведь не злишься на меня, правда? Мне невыносима одна только мысль о том, что ты в этом винишь меня.

Она потрясла головой, ее лицо побледнело так, как никогда прежде.

– Нора, разумеется, я не обвиняю тебя. Это сделала я.

– Ты жалеешь об этом?

Она попыталась сесть прямее, а затем обессилено рухнула на подушки.

– Я буду жалеть об этом, только если Сэми выберет себе другую невесту.

Я занервничала, вспоминая слова отца, которые он сказал мне. Если они попытаются сейчас заставить меня выйти замуж за Сэми, я откажусь.

– Нора? – Сэми отодвинул нашу занавеску, как будто прочитал мои мысли.

Зейди вдруг нашла в себе силы сесть и поправила свою тунику.

– Что ты здесь делаешь?

– Я пришел убедиться, что ты в порядке, глупенькая. – Он сел рядом с ней с другой стороны и взял за свободную руку. – Как ты?

– Немного лучше. Боль сильная, но, когда ты рядом, мне легче.

Я непроизвольно опустила взгляд. Каким-то образом за последние несколько месяцев я отошла с позиции самого важного человека в жизни Зейди на второй план.

Он приблизился к ней и легко поцеловал в лоб.

– Мы поженимся, как только ты наберешься сил.

Зейди просияла.

– Твои родители согласились?

– Я еще не разговаривал с ними. – Он шумно сглотнул, явно нервничая. – Сейчас с ними беседуют старейшины.

– Значит, я точно не уезжаю?

– Я не знаю. Мне пришлось выйти из комнаты. Но я слышал слова старейшины Немеи о том, что ты можешь не пережить путешествие, и это станет… – Он умолк. Я никогда не видела, чтобы ему было так неловко.

– Чем? – спросила Зейди.

Сэми вздохнул.

– Позором для нашего народа – отправить девушку с такими ужасными шрамами.

От этих слов ее глаза наполнились слезами, но ей удалось улыбнуться.

– Теперь все это не имеет никакого значения, пока я могу быть с тобой.

Возможно, для Зейди я опустилась на второе место, но она только что потеряла большее: статус красивейшей девушки Варинии, который она удерживала на протяжении семнадцати лет, сменился на позор и унижение. Я помолилась Талосу, чтобы у родителей Сэми хватило доброты благословить их брак. В конце концов, травмы никак не повлияют на ее возможность быть ему женой. Пока они не беспокоят Сэми, почему это должно волновать кого-то еще?

Мы с Сэми встали при звуке донесшегося снизу голоса отца. Он взобрался по веревочной лестнице и потом помог подняться маме. Ее изможденное лицо было непроницаемым. Спустя мгновение старейшина подала свою узловатую руку отцу, который легко, как пушинку, поднял Немею.

– Что происходит? – поинтересовалась я. Сэми продолжал держать Зейди за руку.

Старейшина Немея ответила за всех:

– Мне очень жаль, но боюсь, что у нас нет выбора. Зейди должна отправиться в Иларию, даже если это погубит ее.

– Нет! – раздался вопль Зейди среди нашего ошеломленного молчания.

Мы с Сэми встретились взглядами. И без всяких слов в его карих глазах я прочла правду: он любил Зейди так же сильно, как и она его. Если она уедет, никто из них никогда уже не оправится.

Помоги нам, молил он.

Поэтому я ответила единственно возможным способом.

– Нет, – эхом отозвалась я, мой голос звучал намного тверже, чем мне показалось. – Отправьте вместо нее меня.

8

Мама, жестоко усмехнувшись, ответила первой.

– Ты ведь этого и добивалась, не так ли? – Она шагнула в мою сторону и ткнула пальцем мне в грудь. – Ты так долго об этом мечтала. Даже старейшины знают, что это сделала ты.

Я сбросила ее руку и повернулась к отцу.

– О чем это она говорит?

Он испустил долгий, прерывистый вздох.

– Они полагают, что это твоих рук дело.

– Что? – Мой голос был резким от негодования, но изнутри меня, подобно червоточинам в коралле, разъедало чувство вины. – Это же просто смешно. Зейди была там, она расскажет им правду!

– Да, – произнесла Зейди у меня за спиной. – Отец, это была случайность. Ужасный несчастный случай, и ничего более. Нора бы никогда и не подумала причинить мне боль!

Мама нагнулась к Зейди.

– Ты не должна лгать ради нее, – промурлыкала она. – Ты все равно станешь принцессой.

– Разве они не могут отправить Элис? – спросил Сэми.

– Могли бы, если бы считали, что у них есть выбор, – ответил отец.

Я коснулась его руки.

– О чем это ты?

Под его глазами пролегли темные круги, а его кожа была землистого цвета, как будто он за ночь постарел на десяток лет.

– Два поколения назад избранная девушка утонула за несколько дней до предполагаемого отплытия в Иларию. Старейшинам пришлось отправить вместо нее другую девушку. Когда принц узнал, что получил посредственную девушку, то наказал народ, перекрыв им на месяц поставку питьевой воды. Десятки варинийцев погибли, в основном дети. – Отец шумно сглотнул. – Старейшины опасаются, что если мы отправим Элис, то иларийцы заявят, что мы нарочно обманули их.

Я знала, что иларийцы суровы, но это было слишком даже для них.

– Что случилось с девушкой, которую они отправили?

Папа покачал головой.

– Мы не знаем. Вместо нее принц женился на иларианской девушке.

– И что, по-твоему, они сделают с девушкой, которая серьезно ранена? – спросила я. – Сэми слышал слова старейшины Немеи о том, что Зейди может не пережить путешествие.

– Она может и не выжить, это правда, – сказала старейшина. – Но здесь был посланник. Он видел Зейди. Если теперь мы отправим Элис, он поймет, что это сознательный обман. По крайней мере, он в курсе, что ранее Зейди была здорова. Принц должен понять, что это был просто несчастный случай.

– А что, если он все равно останется недоволен? Что остановит его от решения прекратить поставку воды, еды, древесины для нас? – Я повернулась к Немее. – Позвольте мне занять ее место. Она недостаточно сильна.

– А что ты предлагаешь сделать с твоим шрамом? – спросила мама с издевкой в голосе. – Посланник видел его.

Не его. *Меня*. Но она была права. Талин достаточно внимательно меня изучил. И я уверена, что он заметил мой шрам.

Немея задумчиво почесала родинку на подбородке.

– Я могла бы придумать способ его скрыть. Что-то вроде пятна. Остальным членам совета я сообщила о том, что Зейди не в состоянии отправиться в путешествие, но, возможно, они захотят увидеть ее своими глазами. Не важно, есть шрам или же его нет – стоит полагать, что принц предпочтет живую девушку мертвой.

Мама покачала головой.

– Но принц не какой-то там глупый покупатель на плавучем рынке. Мы не можем просто подменить один рулон ткани другим, второсортным, когда он отвернулся. Если ему откроется правда о том, что мы сделали…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.